

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

1988

Роберт
Балакшин

Светоч

Очерки

К I 1144154

Москва
«Молодая гвардия»
1988

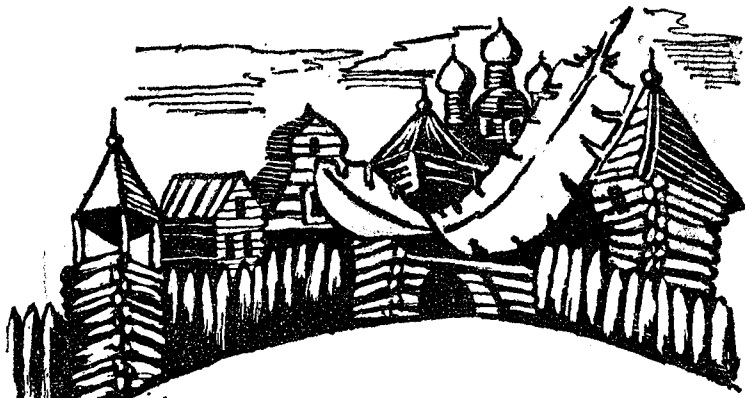
БАЛАКШИН Роберт Александрович родился в деревне Коротыгино Вологодской области. Закончил строительный техникум, служил в армии. Работал каменщиком, бетонщиком. В 1981 году закончил Вологодский педагогический институт. Участник семинара молодых прозаиков в Сыктывкаре.

В несомненной одаренности Роберта Балашкина особенно ценным является его способность соединять высокую художественность с серьезностью научного исследования. И вместе с тем подчиненность и того и другого служению Отечеству. Вот качества, позволяющие сказать: перед нами писатель, видящий в литературе не средство самоутверждения, но самоотдачу.

И еще одно завидное авторское качество — чувство истории. Балашкин не навязывает нам свое видение того или иного исторического действия, он вовлекает нас в соавторство, в сопереживание, вместе с ним мы, всякий по-своему, что очень полезно, представляем в новом свете доселе туманные, или затуманенные, страницы истории.

А что может быть благотворнее для прогресса, чем обращение к своим истокам, своим корням, своему началу? Работа во имя памяти есть работа во имя настоящего и будущего.

Владимир КРУПИН

ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ В ПИСЬМАХ

Однажды зашел я в редакцию нашей областной молодежной газеты «Вологодский комсомолец». Редактор подал мне письмо — два тетрадных листка:

— Посмотри-ка, что тут нам одна девушка написала.

Интонация, с какой это было сказано, взгляд редактора — смеющийся, хитроватый — заинтриговали меня. Однако я не подал вида — может быть, меня разыгрывают — и невозмутимо взял письмо.

— Читай, читай, — засмеялся редактор, едва я успел пробежать глазами первые строчки: видимо, впечатление, произведенное ими, мгновенно отразилось на моем лице.

Я заглянул в конец письма.

— Ирой ее зовут, Ирой. А ты по порядку, по порядку читай. С чувством, с толком, с расстановкой.

Я покачал головой — веселый у нас редактор, и попросил разрешения взять письмо домой, чего ж его наспех, можно сказать, на бегу читать, письмо-то, кажется, на самом деле интересное.

Так мы и договорились: прочитаю письмо и, может быть, напишу ответ. Может быть — потому что в это самое время я работал над статьей, или, точнее сказать, исследованием, и отвлекаться на что-то другое мне не хотелось.

Письмо первое

«Я пишу в редакцию по такому вопросу: быть или не быть нашему городу современным? Вы знаете, иногда даже стыдно сказать: я из Вологды. Всем ведь сразу представляются «дома с резным палисадом».

Может быть, вы, взрослые люди, которые много прошли и многое поняли, думаете, что это нужно молодежи? Нет, мы не хотим жить в «памятнике культуры» и сами не хотим превращаться в «ходячее достояние народа». А мы им скоро станем.

Посмотрите сами: нет ни одного приличного кафе. Построили «Ритм», но туда, к сожалению, пробраться не пара пустяков. В других кафе и ресторанах сидят старички, из которых песок уже сыплется, и они будут сидеть, пока не развалятся — это уж точно.

А на танцы куда идти? В «Спектр» с его внешним видом? Танцевать в коридоре, где мальчики из ансамбля фальшивят в каждом звуке, глотая одну половину слов и другую глуша ударниками? И это — Д о м к у л ь т у р ы!

Так что пусть взрослые не спрашивают, почему курят девочки. И не только курят. Пусть не спрашивают, почему молодежь бежит из Вологды в другие города. Пусть не спрашивают, почему столько выходит из нормальных детей моральных уродов.

А внешний вид города? Вот уж точно — «памятничек»! Половина его — деревяшки, половина — облупленные пятиэтажки. Ну неужели такие бездарные у нас архитекторы? Нет, я не верю, что они не могут хоть немного оживить город.

Никогда я не писала таких писем, но вот недавно съездила в Череповец — чуть не разревелась от зависти. Там и группы различные в «Алмаз» ездят, в кафе, в ресторанах можно отдох-

нуть культурно. А что у нас остается делать, как не шататься? И одеваются в Череповце по-человечески — красиво и современно, не как в нашей «деревне».

И это еще не все! Но для первого раза хватит. До скорого свидания на страницах газеты.

ИРА, 17 лет».

Первым чувством, которое появилось у меня после прочтения письма, было, скажу честно, раздражение. В сердцах я хотел даже вернуть письмо в газету и сказать, что не буду я писать никакого ответа. О чем можно говорить с человеком, чьи духовные запросы ограничены кафе, ресторанами и танцплощадками.

Но я вовремя одумался, и письмо осталось у меня.

Я рассуждал так: хорошо, я верну письмо, и что тогда? Высокомерно отмолчаться легче всего, гораздо труднее попросить найти какую-то общую точку зрения, попытаться убедить человека, привлечь его на свою сторону.

К тому же слова «стыдно сказать: я из Вологды» не давали мне покоя. Когда я читал письмо первый раз, то об эти слова, как о камень, споткнулся. В этот момент редактор и прочитал что-то такое на моем лице. Мне и раньше думалось, а теперь, когда в Вологду совершается самое настоящее паломничество со всех концов страны, теперь я убежден в том, что сказать: «Я из Вологды» можно с таким же достоинством, как в древние времена говорили: «Я из Рима» или «Я из Афин». Да в начале нашего века Вологду так и называли — «Северные Афины».

Нет, я должен, обязан ответить. Начатую статью пришлось отложить.

Ответ на первое письмо

«То, что Ира написала в газету, меня, например, радует. Девушка задает вопросы, следовательно, думает — и это главное. Гораздо больше ее сверстников ходят и в кафе, и в рестораны, на танцы, ругают в душе и вслух этих идиотов — взрослых, которые не смогли понастроить для них достаточное количество кафе, ресторанов и танцзалов, ходят и ни о чем не думают.

А думать надо. Без этого нельзя.

Так что, давай, Ира, подумаем. Только если уж думать, так по-настоящему, по-взрослому. Тебе же 17 лет, а не 7. А то ты так говоришь, как будто мы (кому ты пишешь в газету) — взрослые, а вы (молодежь, раз ты взяла на себя ответственность говорить от определенной ее части) — не взрослые, а что-то вроде больших детей.

Тебе 17 лет, а мне раза в два побольше. Это я для того говорю, чтоб ты не подумала, что я тот старичок, из которого песок сыплется. В принципе-то песок этого каждого человека поджидает, и поэтому так говорить о ком-то не стоит, нехорошо это, неуважительно, хотя я тебя, Ира, понимаю: это свойственно семнадцатилетним, считать, что взрослые, те, кому за тридцать, никогда не были в вашем возрасте.

Были! И еще как были!

Все танцплощадки города задолго до вас истоптаны нами. Правда, мы были обуты и одеты победнее, чем вы, и музыка была иной, но так же и до вас курили и ругались на танцплощадках, так же закипали драки — все это происходило на наших глазах, все это — в той или иной мере — было и с нами. И даже разговоры были те же.

Когда я заканчивал строительный техникум, меня распределили в один сибирский городок, в котором, видать, сильно пеклись о современности: в городе было, как я разузнал, шесть ресторанов. Ух и завидовали же мне ребята: куда попал, вот повезло! Да и сам я ходил этаким орлом — шутка ли, пройду все шесть ресторанов, покажу, какие мы, вологодские!

Но ни в городок этот, ни в рестораны мне попасть не пришлось: сразу после техникума меня призвали в армию.

И, знаешь, Ира, по совести скажу, не жалею я, что не прошел те рестораны. Это только в семнадцать-восемнадцать лет думается, что вся жизнь — танцы, кафе да рестораны, а ведь семнадцатилетним вечно быть невозможно. Человек, хочет он этого или нет, неизбежно взрослеет, у него появляется семья, дети, много забот — как же без этого? — и посещение кафе, ресторанов

становится своего рода небольшим праздником. Не может же вся жизнь быть праздником.

А теперь ты подумай серьезно, по-взрослому: неужто ребята и девчонки курят, шатаются, бегут в другие города только потому, что в Вологде не хватает кафе и ресторанов, а мальчики из ансамбля ДК фальшивят в каждом звуке? Представь, что кафе и ресторанов распольным-полно, мальчики не фальшивят и не глотают одну половину слов, а другую не глушат ударными. Разве от этого кто-то перестанет курить или пить? В других-то городах, в которых проблема кафе и ресторанов решена — представим себе это, — разве там нет, как ты их называешь, моральных уродов? Нет, и в других городах все то же самое, то же, чем ты так недовольна. И получается, что дело-то вовсе не в наличии кафе и ресторанов, не в фальшивящих мальчиках из ансамбля, а совсем в другом.

Откровенно говоря, Ира, если б речь в твоём письме шла только о кафе, ресторанах и мальчиках, не стоило бы об этом большого разговора затевать. Мало ли кто и как мучится проблемой свободного времени. Все её в конце концов решают и как-то развлекаются. Каждый по своему вкусу и способностям. Если очень захотеть, то можно и в Вологде попасть в кафе и ресторан и «культурно отдохнуть», хотя, по-моему, культурно отдохнуть можно не только в ресторане. Минутное это отчаяние и раздражение: повезет тебе, попадешь ты несколько раз в кафе, будут мальчики в ДК в хорошем настроении, сбцают что-нибудь в ритме диско от души, не халтура, и забудется это недовольство. Не стоит из-за этого реветь от зависти. И не правда, что в Череповце одеваются как-то по-другому, по-человечески. И в Череповце, и в Вологде, и в Москве, и в любой мало-мальски крупной деревне все сейчас одеваются одинаково. На всех джинсы, синтетические яркой расцветки куртки, туфли и полуботинки «на гейше», зимой у девушек меховые воротники на пальто, шапки-ушанки, а летом — на всех майки с рисунками, цепочки на шеях, опять джинсы и т. д...

Но затронув в своём письме тему родного города, ты, Ира, быть может, сама того не сознавая, неожиданно подняла сложней-

шую проблему. И именно в связи с кафе, ресторанами, группами и ансамблями слова твои зазвучали для меня не молодежным фанфаронством, не трепом на танцах, не повседневной болтовней в подъезде, а именно криком души.

Криком души человека, блуждающего в потемках, который исповедует сегодня принципы чуждой нам культуры, сам того не понимая. Выступая против традиционной русской культуры — в нашем случае запечатленной в архитектурном облике родного города, — ты, Ира, сознательно голосуешь за стандарт, подгоняя под него не только национальную культуру, но и себя, и своих единомышленников. Ведь это не что иное, как частное проявление — чуждое опять же нашему образу жизни — процесса разложения, уничтожения национальных культур, так характерного для западного мира, для его идеологов, которые, по словам академика Д. С. Лихачева, хотят «утвердить так называемый «интернациональный» американский стиль над всем многообразием местных... культурных традиций». Для этого работают, не жалея сил, все пропагандистские службы Запада, адресуя свою «духовную» продукцию молодежи нашей страны и тебе, Ира, тоже. Это они так настойчиво культивируют потребительскую танцевально-ресторанную культуру, которая убого копирует «массовую культуру». В этой культуре нет и не должно быть ничего своего, самобытного, национального, а все должно быть, как у всех. Один цвет, одна форма, один ритм.

И так во всем: в архитектуре, в музыке, в литературе, в живописи, а на бытовом уровне — в одежде, в мебели, в прическах, в моде.

А уничтожить культуру народа — значит, уничтожить народ, превратить его в однородную толпу. Вот девиз их культуры. Но не нашей.

Ира, скажи честно, когда вы своей компанией собираетесь у кого-нибудь на квартире — на день рождения или по какому другому поводу, — вы не поете песни? Мне думается, что нет. И вот почему. Современные песни появляются и исчезают, как мотыльки-однодневки, их не только запомнить, их и полюбить-то некогда. Да и не за что, по правде-то, многие из них любить.

Задушевные песни сороковых-пятидесятых-шестидесятых годов почти нигде не поют, я уж не говорю о русских народных песнях, а то, что звучит на дискотеках, как это петь? Мычать если только или бубнить под нос, иностранные-то языки молодежь туговато знает. Да и что мычать-то — вопрос. Мелодии же зачастую нет, один ритм.

А ведь песня — душа народа.

Все начинается с незаметных мелочей, о которых вроде и говорить совестно — песен русских не знают, подумаешь, какой пустяк. А такие мелочи, пустяки накапливаются, и человеку стыдно своего города, в котором он живет. Он не знает его толком, а ему уже его стыдно. А город этот, его дивные храмы, деревянные дома едут посмотреть люди из заморского далека. Есть у этого старинного русского города своя история, свои предания и легенды, и сейчас живут в нем интересные, талантливые, умные, добрые и честные люди, для которых город этот — малая родина, без которой жить нельзя.

Но мелочи, пустяки делают свое дело, и появляются люди, которым все это неинтересно, которым плевать на все это, которым само слово «русский» — русский народ, русская история, русская культура — видится чем-то устаревшим, мешающим нынешней современной жизни. Появляются люди — перелетные листья. Готовы лететь листья от города к городу и там останавливаться, где кафе да ресторанов много, и жить легко. Готовы, но еще не совсем умерла душа в них, и кричит она, тоскует.

О чем кричит? О чем тоскует?

О том ли, что кафе и ресторанов мало, или о том, что жаль ей свое, родное, кровное терять?

Ты, Ира, может, скажешь: ну, дяденька! Что вычитал из письма, ничего этого в нем и нет.

Поверь, что есть.

Происходят одновременные процессы.

Что с песнями, то и с деревянными домами происходит, с «деревяшками», как ты говоришь. По радио почти не поют русских песен, исчезают они из репертуара — в городе сносят дере-

вянные дома, и город обезличивается, теряет душу, становится заурядным, похожим на другие безликие города.

Современные дома — только жилье, в них красоты нет. Они даже и внутри-то все одинаковые. А деревянные дома разные, как люди.

В современной музыке главное — ритм, в современной массовой застройке тоже есть ритм — жесткие угловатые очертания отдельных домов, однообразные линейки улиц, прямоугольники и квадраты микрорайонов; ритм есть, а мелодии нет.

Деревянные дома и церкви тоже имеют свой ритм, но они имеют и мелодию, потому что они не похожи друг на друга. Каждый русский город прежде имел свою мелодию, свое лицо.

Ведь это только кажется, что современное — это обязательно новое, модное.

Сколько сменилось — хотя бы за последние пять лет — фасонов платьев, причесок, песен, тем для разговоров, кинофильмов, нашумевших книг, и все это считалось модным, современным. Где же теперь все это? Ушло, оказалось ненужным, пустым, ничего не стоящим. Но если это принять за современность, то что же современность эта стоит? Да тогда и жизнь-то немногого стоит: модного диска, заграничной сигареты, иллюстрированного журнала, сплетни из жизни эстрадной певицы. А это не так. Жизнь — не шутка, не картинка из журнала, и хорошо прожить ее нелегко. Надо думать, сомневаться, болеть душой.

Пиши нам, Ира. Ты сказала: «И это еще не все!» Пиши. Будем разговаривать, обмениваться мнениями. Не надо молчать, таиться друг от друга. Не должно быть так: повзрослевшие люди ругают молодежь, а молодежь поплеывает на все это и живет, как ей вздумается. Мы должны жить вместе, одной душой, а не врозь друг от друга.

До свидания».

Вскоре письмо Иры и мой ответ были опубликованы в «Вологодском комсомольце».

А я тем временем вернулся к работе над отложенной статьей и вскоре — в газету не успели прийти первые отклики — закончил ее. Ответ Ире явился своеобразным стимулятором в этой ра-

боте, хотя, казалось бы, письмо Иры и предмет статьи никак не соприкасаются друг с другом.

Впрочем, судите сами.

СТРОЧКА ИЗ СЛОВАРЯ

Нет хуже, когда затынет, замотает тебя повседневная будничная текучка: каждый день надо куда-то идти, с кем-то спорить, о чем-то просить, убеждать, настаивать, кого-то ждать, встречать, провожать, участвовать в длинных, пустых, никому не нужных разговорах. Затынет текучка — не вырваться, крутишься в ней, суетишься и вроде бы дело делаешь, а остановишься, оглядишься: сколько времени потрачено напрасно. Ой, тоска! До чего тяжело на душе, пасмурно делается — белый свет не мил.

Книгами только и спасаешься. Снимешь с полки одну, другую: тут полистаешь, там считаешь, а третьей и по-настоящему увлечешься, и, кажется, даже дышать легче станет.

Взял я однажды — в одну из тоскливых минут — том словаря В. И. Даля, примостился у окна на краешек дивана, листаю страницы, шелестят они, глаза скользят по словам.

«Изба... избенка, избеночка, избушка... крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом... Не красна изба углами, красна пирогами. ...Всего дороже честь сытая, да изба крытая... Избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином покрыта».

Читаю я, и что-то отмякает в душе, теплей в ней становится.

Перемахнул я разом чуть не полтома и попал на занятное место. Так-то занятного в нем одна буква, та буква і, про которую поговорка: расставить все точки над і.

«Мір... наша земля, земной шар, свет, все люди, весь свет, род человеческий... На міру и смерть красна... Что на мір не ляжет, того мір не подымет... Мір велик человек... Мір за себя постоит.

Всякий мірянн своему брату семьянин».

Перелистнул я страницу назад, там «мир» с обыкновенной «и».

«Мир отсутствие ссоры, вражды.., войны; лад, согласие... дружба... тишина, покой... У них в доме мир и благодать... мир дому сему... Рать стоит до мира, ложь до правды». Ну, здорово!

Отошел я душой от тоски окончательно. Взыграла душа моя. Да и как не взыграть ей? Язык-то наш русский каков! Слово в нем и лекарь, и учитель.

Ладно, думаю, гляну еще напоследок.

Прихватил я страниц 300, чуть не в самом конце том открыл.

Глаза читают: **о б ы д е н н ы й**; память подсказывает: **з а у р я д н ы й**, **б у д н и ч н ы й**, **п о в с е д н е в н ы й**; а сознание решает: неинтересное слово. Все, закрываю словарь.

Но глаза успели до конца строки прочесть: **о б ы д е н н ы й**, **о в ы д е н н ы й**...— **о д н о д н е в н ы й**... одни сутки длящийся.

Память молчит. Сознание в замешательстве, не в силах объяснить и принять это странное толкование. А меня вдруг обвевало то свежее бодрое чувство, когда случится узнать первое, истинное значение слова, понять его сокровенную суть, когда из-под его нынешнего примелькавшегося обличья неожиданно проглянут древние строгие черты.

Обыдень, размышляю я. Об один день, значит. Было три слова, а слились они в одно.

И припомнилось мне, что в прежние времена в наших северных реках жемчуг находили. Добывали даже. Крупные жемчужины, конечно, в редкость большую были, чаще попадались мелкие, их и называли «перловки».

Вот и словечко-то «обыдень» тоже с перловую крупинку, но эта крупинка жемчужная.

И так я словом этим разлакомился, что о словаре почти совсем забыл, сижу, руки на него положив, и думается мне, что подчас раковину-жемчужницу в колодезном ведре доставали. Где подхватило раковину током воды, как утянуло под землю, сколько времени водной жилой во тьме несло — неизвестно, но вот вынула молодница ведро из колодезя, поставила на край сруба и видит: ракушка на дне. Удивилась молодница, хотела выбросить ее, да расщепила створки ракушки, глядь, а в ней на голубовато-

стальном, лаковом исподе диво-дивное: лежит и сияет в глаза молочно-серебристая ягодка. Зародилась она в живом теле, созрела и попала к людям.

Так мечтаю я, представляю колодец — сруб, уходящий в земную глубину, молодлицу, капли влаги на ее руках, даже день, когда это произошло, почему-то жаркий летний день.

Представляю я все это, а в голове неотвязно шевелится мысль: что-то еще интересное я в словаре увидел.

Пропало видение, склонился я над словарем.

«Обыденная церковь есть в Москве и Вологде; по преданью они выстроены миром в одни сутки, по обету, после чумы или мора: вологодский Спас овыденный в 1618 году».

Как это? — изумился я. Как это — церковь за одни сутки, за день выстроить? Ведь церковь, что ни говори, не крупнопанельная коробка, не сарай какой-нибудь, ее кое-как не сляпаешь, тем более что в те годы, когда церкви еще строились, сборного железобетона да электросварки в помине не было.

А то, что Вологда здесь упомянута, еще сильнее меня удивило. Город я свой люблю, живу в нем почти с самого рождения, улицы, закоулки, все церкви его, все памятники архитектуры наперечет знаю, а о Спасе обыденном первый раз слышу. У кого бы узнать об этом? О неизвестном мне Спасе, вообще о церквях тех, что за один день строились.

Так с одного слова, со строчки началось мое исследование. Я зачастил в библиотеку, корпел над каталогами, заказывал книги, читал, делал выписки, завел переписку с другими городами. Удивительные вещи открылись мне.

Оказалось, что возведение обыденных храмов было самобытным, русским обычаем, не встречавшимся ни у какого другого народа.

Н. М. Карамзин сказал: «Долг гражданина состоит в упражнениях любви к Отечеству».

А разве занятия историей, изучение истории Отечества не полезнейшее из этих упражнений? Оно возвышает душу, придает жизни новый смысл: начинаешь жить не для себя, а для своего народа.

Что такое обыденная церковь (обыденный храм)?

Повод к ее возведению.

Обыденная, или едиодневная, церковь, как явствует из названия, — церковь, построенная за один день. Не за сутки — здесь В. И. Даль ошибся — а именно за один день. Работа могла начаться и в ночь на новый день, но возведение и освящение храма должны были быть закончены до захода солнца. Прикинув, что иной осенний день короче летнего чуть не вдвое, мы увидим, что времени на строительство церкви выпадало не так уж много.

Понятно, что обыденная церковь могла быть только деревянной и небольших размеров.

Например, Екатерининская обыденная церковь в Вятской губернии (ныне Кировская область) была совсем крошечной: «величина... Вятской церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата — две доски, привязанные веревками»¹.

Жесткие ограничения срока постройки сказывались и на долговечности здания. Обыденная церковь, как правило, существовала лет 40—50, а то и меньше, и впоследствии заменялась каменной.

Повод к возведению обыденных церквей был единственный. Они возводились во время моровых поветрий (эпидемий чумы), в средние века неоднократно опустошавших как Древнюю Русь, так и страны Западной Европы.

Итак, моровое поветрие. Послушаем летописца, рассказывающего нам о страшном море 1417 года:

«Того же лета мор бысть страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ладозе, и в Русе, и в Поркове, и в Торжку, и в Тфери, и в Дмитрове, и по властем и по селам. И толико велик бысть мор, яко живши не успеваху мертвых погребати, ниже довольны бваху здравии болящим служити, но

¹ Зеленин Д. К. Обыденные полотенца и обыденные храмы. — Живая старина, 1911, XX, с. 16.

един здоровый десятерым и двадцатерым болем служаще; и на всех тех местах умираху толико на всяк день, яко не успеваху здравии мертвых погребати до захождения солнечного и многи села пусты бяху, и во градех, и в посадах. Болезнь же сицева бысть: преже яко рагатиною ударит за лопатку человека, или противу сердца, или под груди, или промеж крыл, или в паху, или под пазуху, и разболевся человек начнет кровию хракати, и огонь разжет, и потом пот велий имет, и потом дрожь имет; и тако похожаше по всем суставам человеческим недуг той; железа же (нарывы.— Р. Б.) не едина быше, иному на шин, иному на стегне, иному под скулою, иному в паху, и на иных местах. И в болезни той полежахше, умираху мнози с покаянием...»¹

Иной медицинский учебник мог бы позавидовать этому выразительному и точному описанию симптомов легочной и бубонной чумы.

Продолжим цитату:

«...в Новежегороде, и во Пскове, и в Торжку, и во Тфери обещахся людие обеты многими, и во един день по многим местом церкви срубиша и поставивша и свящаша и литургисаша...»²

Да, в городах (или в одном городе), окваченных поветрием, строилась обыденная церковь. И что самое удивительное — мор прекращался.

Свидетельства из летописей:

«В лето 6925 (1417 г.— Р. Б.). Того же лета бысть мор по всей земли Рустей, не успеваху погребати. И наугородцы поставиша церковь мученицы Анастасии и священа того же дни, и преста мор»³.

«В лето 6980-го (1474 г.— Р. Б.). Того же лета на Устюге мор бысть силен на люди. И сотвориша устюжения обет, единого дне поставили церковь Воскресение Христово надо рвом, и мор преста»⁴.

¹ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Патриаршая летопись. М., 1965, т. 11, с. 232.

² ПСРЛ. Патриаршая летопись. М., 1965, т. 11, с. 232.

³ ПСРЛ. Устюжская летопись. Л., 1982, т. 37, с. 40.

⁴ ПСРЛ. Устюжская летопись. Л., 1982, т. 37, с. 48.

Я предвижу возражения людей ума практического, которые пустятся доказывать мне — и докажут, как дважды два, — что постройка церкви здесь ни при чем: очевидно, была масса других, объективных, причин к прекращению несчастья: естественный спад интенсивности эпидемии к данному моменту; общий духовный и моральный подъем, вызванный религиозной церемонией, если хотите, совпадение и т. п.

Да разве я спорю. Конечно, были и объективные причины, но мы-то сейчас не о них говорим, сейчас не они нас интересуют. Мы пока приводим одни факты.

Как строились обыденные церкви?

Обыденная церковь не была рядовой церковью. В возведении ее было много необычного.

Рассмотрим сначала вкратце, с точки зрения психологической, понятие «обет».

Для наглядности возьмем эпизод из жизни князя Владимира Святославича.

Князь Владимир получил известие о набеге печенегов на город Василев, что неподалеку от Киева. С малой дружиной Владимир поспешил отразить набег, но в столкновении с врагами не устоял против них, принужден был спастись бегством, и, уходя от погони, схоронился под мостом.

Наступил критический момент.

Если до сего момента Владимир поступал, как хотелось ему, как он желал, то сейчас в ход событий вмешалось то, что люди называют различно: судьбой, случаем, богом. В этот момент совершается то, что суждено. Суждено Владимиру жить — печенеги промчатся по мосту; суждено умереть — один печенег да заглянет под мост. Что будет? Владимир не знает этого. Великий князь — храбрый воин, мудрый муж, креститель Руси, родственник византийского императора в один миг оказался уравнен с самым ничтожным из смертных.

В этот миг душевного надлома человек или совершает опрометчивый поступок, или полностью вверяется тому, от чего за-

висит все, и дает обещание в случае счастливого исхода воздвигнуть стацию, пожертвовать что-либо в храм (как бывало в Древней Греции или Риме), или построить церковь (когда язычество сменилось христианством).

Владимир спасся. Так в 996 году была построена первая на Руси обетная церковь. Примеров обетных церквей можно привести много: церковь, воздвигнутая Мстиславом после единоборства с Редедой (1012 г.), Спас Каменный на Кубенском озере (1260 г.), храм в Великом Устюге во избавление города от литовцев (1613 г.), но все эти храмы создавались после события, когда исход его был уже ясен.

Обет же о построении обыденного храма исполнялся не после события, а во время его. В этом заключается первое отличие обыденного храма от просто обетных церквей.

Рядовая обетная церковь возводилась на средства того, кто дал обет (князя, боярина, дворянина, купца). В нашем случае люди, принесшие обет, самолично и исполняли его. В этом вторая особенность обыденного храма.

Если простую церковь строила артель, коллектив, состоявший из относительно небольшого количества человек, наемных работников, то при строительстве обыденного храма коллективом был весь город, все горожане были участниками постройки.

Кто непосредственно строил, кто помогал, кто всего лишь присутствовал, но все были озарены одной мыслью, одухотворены одним стремлением и надеждой.

Таковы основные отличия строительства обыденных храмов от строительства церковных зданий вообще, и возводившихся по обету в частности.

Для постройки был необходим только что (в этот же день) срубленный лес. Использование какой-либо старой постройки не допускалось. Обыденный храм надо было срубить заново, а не собирать.

А если знать, что в честь такого события люди надевали чистую одежду, и припомнить незапамятную ратную традицию — перед боем облачаться во все чистое, то получалось, что население города выходило как бы на битву с чумой.

В связи с этим интересно сравнить, как вели себя люди во время подобных испытаний в Западной Европе. «Декамерон» Д. Боккаччо (эпидемия 1348 г.), «Пир во время чумы» А. Пушкина (перевод пьесы Д. Вильсона «Город чумы», эпидемия 1666 г.), рассказы Э. По представляют нам такую возможность. Мы видим людей растерявшихся, упавших духом, которые убегают из зачумленного города, пытаются забыться в вине, в разгуле.

На русской же земле все происходит иначе. Люди не бегут, не прячутся, не пьянствуют, а, напротив, собираются все вместе: и взрослое население, и дети, и старики. Люди ищут спасение в общей работе, в единстве помыслов и желаний. Ищут и обретают спасение.

Все же надо признать, что и в нашем Отечестве возникали ситуации, похожие на описанные в «Декамероне». Приведу пример из «Волоколамского патерика»:

«...бысть великий мор в лето 6935-го (1427 г.— Р. Б.), а мерли болячкою, глаголемую прыщем... и три дня болев, умираше ...елицы же нечувствени питию прилежаху, занеже множество меду пометнуто и презираемо бе. Они же в толико нечувствие придоша злого ради пианства: един от пиющих внезапно паде умираше, они же ногами под лавку впахав, паки прилежаху питию. Елицы же нечувствьем содержима и в таком наказании и гневѣ Божиѣ, погибоша, яко нечувственнии скоты».

Позиция автора налицо. Ему непонятно, как можно предаваться пьянству и прочим «радостям» жизни, когда рядом умирают люди.

Когда и где строились обыденные церкви?

Помимо изучения печатных источников, чтения летописей, я испробовал другой метод сбора материалов: разослал около пятидесяти писем в города России с просьбой сообщить, нет ли у них каких-либо сведений об обыденных храмах. В ответ мне пришло много добрых содержательных писем, благодаря которым теперь известно, что обыденные храмы были в городах: Пскове,

Новгороде, Москве, Сольвычегодске, Великом Устюге, Ярославле, Вологде, Шуе, Ростове, Кировской (быв. Вятская) области, в Калининне (быв. Тверь), Суздале, Костроме, Каргополе, Торжке. Общее количество выявленных храмов достигает 29.

Самое раннее свидетельство о постройке обыденной церкви относится к Пскову (1352 г.), самое позднее к Костроме (1757 г.). Таким образом, строительство обыденных храмов имело по меньшей мере, четырехвековую традицию.

Много городов упоминается в летописях в том смысле, что в них могли быть возведены обыденные храмы. Более точных сведений мне, к сожалению, получить не удалось. Это города: Белозерск, Можайск, Коломна, Дмитров, Старая Русса, Порхов, Старая Ладога, Таруса, Владимир.

Нетрудно заметить, что основной массив бытования обыденных церквей расположен северней Москвы. Это подтверждает мнение замечательного этнографа Д. К. Зеленина, что «обычай постройки обыденных храмов был известен только в Новгородской и Московской Руси».

Быть может со временем к двадцати девяти выявленным церквям удастся присоединить еще несколько — я продолжаю поиск — но уже и сейчас видно, что обыденных храмов было на нашей земле не так уж много: крупинки в необозримом океане русского церковного зодчества.

Почему обыденный храм именно о б ы д е н н ы й?

Действительно, почему?

Для нас, людей XX века, воспитанных в иной системе ценностей, чем русские люди XIV — XVIII веков, такое быстрое, топорливое возведение храма может показаться не чем иным, как спешкой, к тому же малообъяснимой.

Но, может быть, это была вовсе не спешка?

Мы знаем, что инфекционные болезни вызываются вредоносными микроорганизмами — бактериями. Наши же предки представляли эти болезни в виде живых существ, которых народное мировоззрение объединяло в одну категорию — нечистой силы.

Кто же может победить нечистую силу, чем можно отогнать ее?

Очевидно, победить ее в состоянии какое-то существо, обладающее в противовес ей чистой силой, или — что доступнее — ее сможет отпугнуть предмет, наделенный чистой силой, чистой.

Чистота — понятие очень древнее. Когда-то оно совпадало с понятием новизны. Что новое, то и чистое. Но лишь только новый предмет появлялся на свет, нечистая сила, злые духи стремились соприкоснуться с ним, осквернить его. Даже огонь — сама чистота — и тот в старину возобновлялся: в домах гасились все старые огни, и добывался новый огонь, который затем и употреблялся в различного рода обрядах именно как более чистый. Так же и вода, употребляемая в народных обрядах, бралась непременно свежая, только что из источника: по народным убеждениям, нечистая сила вредит тому, что она хорошо и подробно знает, и бессильна против того, что ее ведению почему-то неизвестно.

Теперь посмотрим на обыденный предмет. Кроме храма, им могло быть полотенце, а позднее — икона. Во-первых, он нов. Мало того, он абсолютно не известен нечистой силе, за все время своего производства он не сходил с рук людей, люди постоянно были при нем, нечистая сила не имела к нему доступа. Он не просто чист, он чист безупречно. (К слову заметить, обыкновенная церковь, каменная или деревянная, считается чистой только после освящения, а до того она — просто здание.)

Изначальная, безупречная чистота — одно из слагаемых идеи «обыденности». Второе слагаемое — необычность обыденного предмета и, следовательно, его таинственность. Ведь еще вчера или даже сегодня утром он был сырьем, материалом (лесом, льном, красками), и вот это уже нечто, предмет, имеющий форму; предмет, которого не было и он появился как бы вдруг, за сказочно короткий срок.

В результате сращения этих двух элементов — безупречной чистоты и таинственности — в давние, еще языческие времена

выработалась идея «священной обыденности», то есть все обыденное являлось вместе с тем и священным.

Затем идея «священной обыденности», как любая живая идея, развивалась, эволюционировала, в определенную эпоху попала под влияние христианизации. Следующим крупным этапом ее развития явилось строительство обыденных храмов, а затем и написание обыденных икон.

Русь подхватила древнюю традицию, переосмыслила и развила ее.

Теперь нам становится ясно, что действительно никакой спешки не было. Ограниченный срок постройки церкви был обусловлен идеей, заложенной в ней. Жители города, принимая участие в возведении храма, тем самым как бы проходили обряд очищения, а храм становился талисманом, оберегом, обладающим магической силой воздействия на нечисть, становился символом безупречной чистоты.

Всеградский собор Всемиловитового Спаса в Вологде.

Это произошло в 1655 году. Моровая язва, уже два года опустошавшая южные и центральные области русского государства, проникла и в Вологду. В надежде не допустить страшную гостью принимались меры предосторожности: дороги и заставы тщательно охранялись, никого не выпускали из города и не впускали в него.

И все же в первых числах сентября стало ясно: город уберечь не удалось. Пришла беда.

Открылись первые признаки чумы в городе, а вскоре болезнь стала повальной. Как по ветру, летела она по городу, от дома к дому, от избы к избе.

Вот уже минуло шесть недель, и, кажется, должна бы уняться язва, должен же ей настать конец, а она не унимается, она свирепствует еще сильнее, еще беспощадней.

Нет ни одного дома, ни одной семьи, где бы ни оплакивали утрату близкого: деда, отца, сына, дочери, брата, сестры. Немало изб стоит с заколоченными окнами — там семьи вымерли целиком.

На Лазаревском кладбище кроме отдельных могил роятся братские могилы, в которых погребают разом по двадцать-тридцать человек.

День и ночь гудит над городом большой соборный колокол. Ему отзываются колокола приходских храмов, тех, в которых еще остался жив кто-либо из притча.

Никогда доселе язва не посещала город и кажется от этого еще ужасней.

Один за другим стихают, гаснут голоса приходских церквей. Один соборный колокол не сдается. Густой звон волнами катится над городом, уходит в поля. О чем говорит он, к чему зовет?

Не слышат люди. Совсем упали они духом, смирились с бедой. Да и как не смириться? Чем противостоять язве? Саблей, пицалью? Язва — противник невидимый. Как с нею ратоборствовать?!

Мертвые покоились на кладбище, однако и живые походили на заживо погребенных: город как будто вымер. Прогромыкает по пустынной улице телега, пройдут за ней следом священник с печальными родственниками усопших, и опять на улице никого.

Но гудит, гудит соборный колокол.

У кого возникла мысль о построении обыденного храма — неизвестно. Может быть, ее подал бывалый человек, который много повидал на своем веку и знал, что в других городах прежде строились такие храмы; может быть, эту мысль выдвинул уважаемый горожанами архиепископ Маркел; может быть, мысль возникла сама и явилась переработкой какого-нибудь древнего местного обычая? Как знать. Доподлинно известно одно — во многих городах Руси оставила свой губительный след в тот год моровая язва, во многих городах стучали в тот год топоры: выресли обыденные храмы в Суздале, Шуе, Ростове...

В ночь на 18 октября (31 по новому стилю) улицы Вологды, казалось бы, уже отвыкшие от шума жизни, неожиданно наполнились народом. Разгоняя зловещую ночную тьму, пылали светочи — трубчатые полосы бересты, надетые на палки и батоги. По улицам в суровом молчании — слышался только треск горячей

бересты да топот множества ног — шествовали люди. Они направлялись к Большой (иначе Сенной) площади. Шли старики, дети, отроки и юноши, шагали взрослые мужи и жены.

Накануне этой ночи, ввечеру, горожане, охваченные единым порывом, дали обет поставить единокровный храм.

Когда все собрались на площади, так что и ближайшие улицы и переулки были заполнены народом — значит, не вымер город, нет! — тогда вспыхнули еще десятки загодя припасенных свечей. Они осветили ровное пространство среди площади — место, предназначенное для храма.

Колокол на соборной колокольне стих.

Желание какого-то решительного действия, какого-то общего дела, которое бы встряхнуло и сплотило всех, давно подспудно тлело в душах людей. И это желание сообща бороться с бедой передалось всем, нашло выход, нашло достойный объект применения, и люди воспрянули духом, ожили, как бы пробудились от долговременного сна. Люди вновь захотели жить, и любовь изгнала страх.

В лесу валили деревья, на лошадях их везли в город, на площади их корили, обтесывали — работа находилась всем, венец поднимался за венцом. Созидался храм духовного единения, возрождения от пагубного недужного сна.

Вскоре занялся робкий рассвет, наступило хмурое пасмурное утро. Солнце только около полудня пробилось сквозь пелену облаков, и первые его лучи осветили уже почти готовый храм: оставалось водрузить главку и увенчать ее крестом.

Наконец архиепископ Маркел в праздничном облачении начал церемонию освящения храма.

«В лето 7163-го (1655 г.— Р. Б.) ... был на Вологде мор велик,— говорит летописец,— и поставлен бысть единокровный храм во имя Всемилоственного Спаса... И от того дня мор на Вологде преста».

Так была построена обыденная церковь в Вологде, одна из немногих на Руси. Невелики были ее размеры. Когда в 1854 году в церкви (уже каменной) переделывали пол, то нашли бревна

основания первоначального храма. Это был прямоугольник размерами 3 сажени на 2,5 сажени (6 м × 5 м). Сохранилась фотография с росписи, украшавшей каменную церковь. На росписи изображена постройка обыденного храма и сам храм — высокий сруб, типа колодезных срубов, только с деревянным проемом, тремя окнами и крышей.

На другой день после постройки вологжане составили общественный приговор — послание потомкам, в котором рассказывалось о данном горожанами обете, о постройке церкви и давался завет: помнить и не забывать этот день. Приговор подписали 220 человек.

В конце XVII века деревянную сменила каменная церковь. Строение ее продолжалось около десяти лет, и во все это время деревянная обыденная церковь не была разобрана, но находилась внутри новостроящегося храма. Этот храм, в свою очередь, был заменен в 1841 году новым храмом, который с незначительными перестройками просуществовал до 20-х годов нашего столетия.

В 1924—1925 годах Всеградский Собор обыденного Спаса был упразднен, и в нем открылся «Дом искусств». В 1935 году собор, переоборудованный под кинотеатр, принял первых зрителей.

В 1972 году собор снесли.

Коренные вологжане помнят, как мучительно долго сносили собор. Вряд ли такие муки приняли строители, созидавшие его. В древнюю кладку кувалдами забивали железные клинья, долбили ее отбойными молотками, вгрызались в нее бульдозерами, и, наконец, пустили в ход взрывчатку.

Собора не стало.

Скатилась жемчужинка с ладони, канула в черный подпол, попробуй теперь сыщи ее.

Вот что сделала строчка из словаря. Вот во что разрослась она.

Одна-единственная строчка. Дух захватывает от мысли, что смог сделать В. И. Даль, — честный русский человек. Какое бесценное богатство собрал, сберег и передал другим.

ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ

(Продолжение. Отклики)

Я заканчивал работу над «Строчкой из словаря» — правил и переделывал последний черновой вариант — когда мне позвонил редактор «Комсомольца»: пришли отклики на письмо Иры и мой ответ.

Редактор встретил меня, потрясая туго набитой папкой.

— Полюбуйся, какую вы с Ириной кашу заварили! — воскликнул он.

Завязки папки были прихвачены только-только за самые кончики.

— Здесь будешь читать или домой возьмешь? — спросил редактор.

— Если найдется для меня свободная машинка, то у вас.

Машинка нашлась, я сел в комнатухе, что напротив редакторского кабинета, и стал читать письма. Некоторые из них перепечатывал целиком, некоторые выборочно.

Вот отрывки из писем:

«Мне 33 года, с детства я живу в Вологде и очень люблю ее. Но во многом я согласен с молодыми. В их годы мы тоже, давайте не будем забывать, увлекались популярными ансамблями, носили волосы длиннее обычного и были в немилости у учителей и взрослых.

Но меня волнует другое. Ведь действительно у нас мало молодежных кафе, в кинотеатрах дрянная аппаратура, нет концертного зала. И сколько гнилых резных развалин скрыто за палисадами!

Когда речь заходит о критике со стороны молодых, вы всегда отвечаете на это слабым патриотизмом, объясняете все влиянием пропагандистских служб Запада. Но где семнадцатилетние могли всего этого нахвататься? Ведь они только-только успели закончить советскую школу.

Владимир К.»

«У нас в городе такая же обстановка, можно сказать, даже хуже. У нас всего два клуба, два дома культуры, куда не пускают девушек в брюках и кроссовках. Но мы же не виноваты, что сейчас такая мода!

Мы посещаем только один ДК в центре города, так как посещение других мест нас ничем не привлекает. В городе всего один ресторан, в котором обитают одни и те же лица.

Если мы ничего не видим в своем городе, то что же видят в нем туристы? Неужели они приезжают посмотреть только на наши памятники архитектуры?

Оля, СВЕТА,
г. Великий Устюг».

«Я живу в том самом Череповце, который вызвал зависть у Иры. Да, есть у нас кафе и ресторан. В ДК металлургов отличный ансамбль, и в городском ДК тоже ничего, попрыгать и под него можно.

Но, знаешь, Ира, как примелькались они, многоэтажные небоскребы, которые тебе так нравятся! И по вечерам мы спешим с друзьями пройтись по старой части города, бродим по Соборной горке, любимся церквушками. Как же там красиво!

Ира, г. Череповец».

«В Ирином крошечке вопросов улавливается лишь одно — хоча и дайте! Знаний? Что вы! Хороших и во множестве ресторанов, кафе и баров; оденьте модно, и музыка для полного «кайфа» не помешает. Ире не нравится в одежде стандарт, которого действительно придерживается та часть молодежи, которая не умеет иголку и спицы в руках держать. Зато архитектуру нашу она не прочь одеть в одинаковые «бананы». Подумаешь, какой-то русский умелец век назад резьбой дом украсил! Но в других-то городах нет такого, значит, не модно, значит, убрать!

ХРОМОВА Галина,
Харовский район, 24 года».

«Я вырос и состарился в Вологде и ни на что этот город не променяю. Наша земля дала много честных тружеников и больших талантов. В войну женщины сутками шили обмундирование, не уходя из цехов. Это все моя и наша история. И когда о ней говорят неуважительно, как Ирина, сердце заходится от боли.

Нельзя быть такими добренькими, чтобы у семнадцатилетних были деньги на кафе и рестораны. Ведь Ира наверняка еще на иждивении папы и мамы. Разве научится она беречь трудовую копейку и уважать чужой труд? Вот поэтому и о палисаде резном она отзывается так презрительно.

Девушка — будущая мать и жена. Здоровая и крепкая семья бывает у хороших женщин. А какая это хорошая женщина, если она с юности ходит по ресторанам?

Мне кажется, что в воспитании молодежи когда-то был допущен большой провал.

Простите меня, но и о современных танцплощадках не скажешь ничего хорошего. На полу, как в свинарнике, шелуха семечек, окурки. Не танцы, а вертеп. Если мы в сороковом году надевали на танцы самое лучшее, то через сорок лет идут на вечер в рванье и в тапочках, и все это считается нормальным...

Николай УТКИН, шефэр,
58 лет, г. Вологда».

«Ты, Ира, называешь дома «облупленными пятиэтажками». А кто же их «облупил»? Кто оставил на стенах домов, автобусных остановок различные надписи? Конечно, не «старички», а молодые здоровые парни твоего возраста. У них и имен-то почти не осталось, только клички, которые они спешат увековечить на стенах домов. «Киса», «Слон», «Туз», «Валет». Прямо как собаки бездомные!

А «резные палисады» — это достояние русского народа, и если мы не будем горой стоять за него, то оно исчезнет. А русское искусство должно жить.

Что же касается ресторанов и других заведений, то всем известно, что сейчас главная задача не в этом, а в укреплении

мира на земле. А как же мы будем беречь мир, если свое, родное забывать станем?

Андрей, 22 года и Света, 17 лет,
оптико-механический завод, г. Вологда».

«Тебя, Ира, заела зависть, что где-то на чужой стороне весело и интересно. А почему бы и вам не сделать так же и даже лучше? Не продавай своего родного края за рестораны.

Ты можешь подумать, что мы живем среди сплошных кафе, потому тебя и успокаиваем. Нет, наша родина — обычный, небольшой поселок с одним-единственным ДК. И молодежь есть всякая, такие, как ты, тоже есть. Но мы лично не отчаиваемся, мы знаем, что не мы одни стоим на такой точке зрения: жить везде будет интересно, если человек сам будет чуточку добрее и отзывчивее. Надо не просто жить, как живется, а думать, как лучше жить, чтобы людям была от тебя хоть малая польза.

Галя и Тая, 17 лет, Вика, 20 лет,
Никольский район».

За окном уже стемнело, когда я закончил разбор писем — ведь их пришло ни много ни мало пятьдесят штук! Больше всего, конечно, было из самой Вологды — 34. Из районных центров и из районов, из деревень пришло по 8 писем. И естественно, что большинство авторов — молодежь, учащиеся и студенты. Почти все указывали свой возраст, и поэтому мне было легко установить, что в возрасте до 20 лет были авторы семнадцати писем, а от 20 до 25 лет — шестнадцать писем. Десять писем дал возраст от 30 до 50 лет, и остальные семь писем были написаны людьми пожилыми. Были письма коллективные, когда от имени нескольких человек писал кто-то один. Одна женщина написала, что сын ее служит в армии, и она послала ему газету, и там, за тысячи километров от родного края, молодые солдаты были нашими незримиыми собеседниками, спорили, в чем-то соглашались с Ирой, в чем-то со мной, высказывали свое мнение.

Перебирая эти письма, читая их, мне довелось пережить удивительное, теплое чувство родства, близкого знакомства со

всеми этими незнакомыми мне людьми, с их чувствами, мыслями, надеждами, с той общей для всех нас думой, которая тревожит нас — как мы живем, правильно ли, хорошо ли, как нам жить дальше?

Но встречались письма, которые мигом разрушали это чувство. Их немного, штук пять, и письмо с «гнилыми гробами и тараканами» самое сдержанное из них. Остальные письма пронизаны злобой, агрессивностью, причем совершенно отсутствуют попытки доказать свою точку зрения. Выражения: «меня взбесило», «ваши статьи — жалкий лепет», «не суйтесь, если ни черта не смыслите в современной жизни» и т. п. — вот главные аргументы авторов.

«Чем я так рассердил их? — недоумевал я. Ведь я же не злобствую ни на кого потому только, что он живет не так, как считаю я нужным жить. Или это потому, что тяжелый рок пробуждает в людях агрессивность, и эти ребята так уже свыклись с ней, что не замечают ее?»

К какому-то определенному выводу я прийти не успел, в комнатушку, где я занимался письмами, вошел редактор и сказал, что если я остаюсь в ночную смену, то он не возражает, но вообще-то все уже расходятся по домам.

— Как ты думаешь, — спросил я, — почему Ира ничего не написала до сих пор?

— Пишет, — отшутился редактор.

На улице мы попрощались и разошлись.

Идти из редакции домой мне нужно было мимо «Зенитки» — так сокращенно называется памятник воинам-зенитчикам, охранявшим в годы войны Вологду от налетов немецко-фашистской авиации. Вологда не была фронтовым городом, но налеты были, и зенитки стояли: одна батарея на Соборной горке, а другая у Спасо-Прилуцкого монастыря. Зенитки стояли, и люди службу несли. В память этого и поставили на постамент зенитку.

Иду я и вижу: у зенитки стоят люди. Подошел я поближе — две женщины и пожилой мужчина. Оглянулись они на мои шаги и пошли от зенитки, а до меня долетели слова. Говорил мужчина.

— ...а они все стоят и смотрят.

«Что такое?» — подумал я и почему-то тут же взглянул на постамент: таблички с надписью, прикрепленной к постаменту четырьмя болтами, не было.

— ...стоят и хохочут,— услышал я.

Отошел я от зенитки, и, хотя сам на войне не бывал и в семье нашей — редкий случай — на войне никто не погиб, а все же стало мне как-то нехорошо.

«Как же так? — подумал я.— Получается, шли мимо ребята, а ребята нынче все с юморком, здоровья у них много — взяли да запросто и открутили эту табличку, подурачились».

«Да ну, что ты,— возразил я сам себе.— Возможно ли такое?»

Но только я так подумал, как в памяти моей выстроился такой натуральный ряд, что лучше бы его не было. Но как быть, если он есть?

Начало ряда:

В Минске парень расхаживает в пилотке, к которой прикреплена свастика.

В Вологде в ГПТУ учительница русского языка и литературы видит у ученика вырезанную на деревянной шариковой ручке ту же свастику.

Статую «Родины-Матери» на Мамаевом кургане называют «бабой» и даже анекдоты рассказывают.

Ветерану войны, одинокому рабочему, мошенники — сын с матерью — продают дом, который продавать не имеют права, им лишь бы деньги содрать, а то, что он ветеран — им плевать.

Два выродка — муж и жена — убивают вице-адмирала Г. Н. Холостякова, героя войны, убивают, чтобы завладеть его боевыми наградами и загнать их «коллекционеру»...

Хватит пока.

Страшный ряд. А молчать об этом никак нельзя.

Что же это творится-то? Почему?

Мне возразят: зачем нагнетать факты? Надо все-таки уметь отличать уголовное преступление от элементарного дурачества.

Согласен. Есть даже специальные учреждения, которые толь-

ко тем и заняты, что выясняют, где дурачество, проступок, а где преступление. Но нам с вами разве не видно того общего, что пронизывает весь этот ряд, что незримо присутствует в каждом его звене?

Это общее — кощунство, а по-старому — святотатство, неуважение святынь, неуважение памяти — того зерна, без которого здоровый народ не может жить. Он обречен если не на вымирание, то на жалкое, недостойное великого народа прозябание.

Дурачество! Не слишком ли много этого дурачества в нашей с вами жизни?

Тут вспомнился мне отклик на письмо Иры, автор которого запальчиво восклицает: «чуть чего, вы сразу обвиняете молодежь в отсутствии патриотизма и во всем видите происки западных спецслужб».

О патриотизме я сейчас скажу, а вот западным спецслужбам готов принести извинения.

Не агенты спецслужб откручивали табличку с постамента и с глумливым, бесовским хохотом зашвыривали ее в кусты; не они вырезали свастику на ручке; не они опускали монтажку на седую голову адмирала... Но они, честное слово, от души бы порадовались, глядя на все это.

Почему же, почему все так делается? Сами ли мы виноваты, спецслужбы ли, или еще что? Но как бы то ни было, нельзя дальше так жить, нельзя. Одинокий человек мозольным трудом, горбом своим копейку сколотил, всю жизнь по вагончикам мыкался, дом мечтал купить — свой дом. А тут молодой, цветущий хам на пару со своей маменькой у него эту копейку выморщил, над самым заветным посмеялся, да напоследок еще и в душу харкнул: «Дурак, дескать, ты, дядя!» А дядя этот в его возрасте в 42-м году, когда немецкие танки в атаку на ту деревню пошли, где в погребе мать будущего хама хоронилась, дядя этот к пушке встал.

Действительно, дурак. Отошел бы, пусть бы танки прошли, погреб тот сравняли.

Но такого не было, и быть не могло! Откуда ж солдат мог знать, что порченное семя защищает, он-то думал — отборное зерно.

А может, оно и вправду отборное было?

Откуда ж порча-то взялась?

В биологии есть такой термин «среда обитания». Растение, дерево может на хорошей почве расти, будет ему вдоволь и солнца, и влаги, а оно вдруг захиреет — не та для него среда обитания, нет того соседства, сродства с другими растениями, не ладно вокруг него, и все тут.

Как же должна измениться среда обитания нашего патриотизма, когда для людей деньги, свой каприз, желание подурчиться заслоняют собой все, когда кощунство, святотатство становятся нормой, а патриотизм воспринимается чем-то вроде сладенькой сказочки, которой пичкают несмышленных деток в детсадах и начальных классах школы.

Когда же она изменилась? Кто ее изменил? И изменяет?

Да мы с вами и изменяем.

Разве не мы сами причиной тому, что все быстрее и быстрее исчезают с наших улиц старые, подчас неказистые, неухоженные, но своей, русской национальной архитектуры дома? Исчезают, а на их месте вырастают ряды типовых, одинаковых, как коровники, домов массовой застройки.

Разве не мы с вами не поем больше русских песен и детей им не учим, а весь наш досуг сплошь и рядом сводится в юности к танцам, а впоследствии к бесконечному торчанию у «ящика» за просмотром одних и тех же сериалов?

Разве не на наших глазах бульдозерами сровняли у нас в Вологде городское кладбище? Мы подчас сокрушаемся о могиле какого-нибудь знаменитого человека: она затерялась в веках. А тут не одну могилу — сотни! — за один день затеряли.

Ничто не проходит зря: надругательство над старым домом, над старым человеком, над природой. Погоня за престижностью, комфортом, превращение духовных ценностей в предмет купли-продажи, забвение того, чем жили наши предки, что пели и любили они — все это омрачает и разъедает душу. И все это видят наши дети, и сами начинают жить так, и вырастают такими.

Трудно, нарушив среду обитания, требовать, чтобы дерево

росло; трудно требовать патриотизма, разрушая его среду обитания.

Любовь к родителям, почтение к старшим, охрана нашей русской национальной архитектуры, любовь к русской песне, пляске, русской литературе и истории, культивирование русского духа его бескорыстием и верностью честному слову, верностью заветам предков и благоговением перед памятью павших — вот среда обитания нашего патриотизма.

Мы все вместе сильны нашим общим — советским патриотизмом, но, как море полнится реками, так и общий патриотизм не может существовать без национального. В этом наша сила и крепость.

Такие мысли переполняли меня, пока я, взволнованный, шагал от зенитки домой.

А дома меня ждала радость — по пути от старой матери, которую он ездил проводить в деревню, завернул ко мне друг. Мы вместе служили с ним в армии, в одном взводе. Не виделись давно: лет пять, хотя он каждый год ездит к матери, но не всякий раз ему удобно заглянуть ко мне — надо сходить с поезда.

Зная, что я люблю старые вещи, друг привез мне подарок: поддужный колокольчик. С надписью «Кого люблю, того и дарю. Сей колоколь лить в Валдае. 1814».

Звон колокольчика, его торопливый, побрякучий голос будил в душе буйный, лихой восторг, а древность колокольчика, его почтенный возраст вызывали какую-то гордость. Казалось чудом, что он дожил до наших дней, сохранился, не сгинул. А кроме того, я обнаружил у колокольчика удивительную особенность: если позвонить в него и держать возле уха, то наступает такой момент, когда он не слышен никому, кроме тебя. Всем кажется, что колокольчик уже стих, молчит, и лишь тебе одному слышно, как тихо-тихо где-то далеко-далеко в нем дрожит, истаявая, певучая тонкая жилочка. А потом, подумалось мне, может, и никому уже ничего не слышно, а жилочка все звучит, живет в колокольчике, в самой его сокровенной, вековой глубине.

Заговорив о колокольчике — друг нашел его у матери в кладовке, — мы перешли к его старшим братьям: колоколам, тем бо-

лее, что у меня уже давно был написан очерк о колоколах. Сперва я стал пересказывать очерк другу, но так как лектор из меня, прямо надо сказать, неважный, я предложил ему прочитать очерк самому.

ДРЕВО КОЛОКОЛЬНОЕ

Каждый человек должен в своей жизни посадить хотя бы одно дерево.

В наше время эта мудрость вопиет к небесам: ведь сколько уже всего срублено! И до сих пор рубят гораздо больше, чем насаждают.

Как-то я был в командировке в одной из отдаленных деревень Междуреченского района. Дела задержали меня до вечера, и в Шуйское мы выехали почти ночью.

Пошел дождь, мы несколько раз буксовали. Приходилось покидать автобус, и в крошечной тьме, в шуме дождя и тихо шептавшего о чем-то леса толкать мокрую и скользкую машину.

Летняя ночь быстро минула, и, когда мы проезжали Святогорье, начинало светать. Дождь поуялся. Измотавшийся за день, усталый, голодный, озябший от дождя и ночной сырости, то проваливаясь в дремоту, то на какое-то время выбираясь из нее, я уже воспринимал эту поездку как бесконечное путешествие неизвестно куда. Дождевая морось и предутренние сумерки придавали всему окружающему вид призрачный, фантастический.

Мы почти проехали Святогорье, когда я, взбодрившись на миг, случайно глянул в окно. В неверном свете занимавшегося дня, в туманной утренней мгле я увидел вдали нечто такое, что ужаснуло меня. Там вдали, трудно сказать, насколько вдали, потому что туман скрадывал расстояние, возвышалось что-то невообразимо огромное. Оно выростало из земли и буквально подпирало низкое ненастное небо. Смутно видимая, но все же разли-

чимая, угадываемая вертикальность предмета заставляла думать, что это скорей всего дерево. Должно быть, сосна. Но какая же громадная!

В обед, выспавшийся и отдохнувший, распивая душистые чай в Доме колхозника, я спросил у соседей мужиков об этой сосне.

Они долго не могли понять меня.

— Какая ж это сосна,— сказал, наконец, один из них.— Это колокольня в Святогорье. На холме стоит. В ясный день с нее Вологду видеть.

— А старики сказывали,— подхватил другой,— раньше и колокольный звон из Вологды до нас доносило. Ежели погода подходящая.

Трудно было поверить всему этому: от Вологды до Святогорья по прямой пятьдесят километров. Но каких чудес не бывает на свете.

Какова же была моя досада, когда года через три я узнал, что чудо-колокольня не стало. Холм, на котором возвышалась она, превратили в карьер по добыче песка. Колокольню подрыли, и она обрушилась.

Велики потери, но не безвозвратны. Главное — не отчаиваться, не уставать, не уповать на ход времени, дескать, все само собой образуется к лучшему, самое главное — работать.

Вот поэтому я и посадил свое деревце. Правда, оно необычное — растет не на земле, а в моей душе, но оно все равно живое.

Послушайте, я расскажу вам о нем.

Семечко

Сколько раз я проходил детским парком? Сотню раз? Тысячу? Да и не одну тысячу! Как себя помню, так и парк этот, с самого раннего детства помню. Проходил я по нему и листоцветной задумчивой осенью, и снежной добродушной зимой, и светлой беспокойной весной, и летом. Летом, пожалуй, чаще всего, когда

мальчишкой носил короткие штанишки с лямками и всюду ходил босиком.

Потом я подрос, возмужал, у меня у самого появились дети, и я уже вместе с ними приходил в парк. Покатать их на скрипучей карусели с удручающе однообразными автомобильчиками на плоской платформе. В годы моего детства карусели были не в пример красивее: в виде огромного гриба, разрисованного удивительными картинами на темы русских народных сказок, с подвешенными к нему расписными санями, фигурами гусей, лошадей. От того, что все это было подвешено и покачивалось, возникало ощущение, что ты куда-то летишь.

Карусель начинала крутиться сама, лишь только заиграет слепой баянист, сидевший у входа, и так же сама останавливалась. А сейчас тетенька нажмет черную кнопку, и карусель без всякой музыки и сказок вертится, и будет вертеться до тех пор, пока из одной половинки песочных часов в другую пересыпается песок.

Проходил, значит, я детским парком. И все проходят. Проходил и мимо церкви, что в парке стоит.

У А. Яшина есть притча о человеке, который всю жизнь ходил, задрав голову вверх, и не замечал, что творится у него под ногами. Обычной жизни не замечал.

А я — открою вам свою небольшую тайну — наоборот, больше под ноги смотрю. Иду себе, голову понутив. Некоторые знакомые даже обижаются, что не здороваюсь. Зазнался, говорят.

Но нельзя же вечно ходить с опущенной головой и видеть только то, что под ногами. Надо ж иногда и вверх, на небо взглянуть!

И я взглянул!

И надо ж так случиться, что голову мне поднять довелось именно в знакомом и родном мне детском парке, как раз у церкви.

Задумался я о чем-то, поднял голову, окинул взглядом начавшие золотисто желтеть березки, потемневшие вершины тополей, и в верхней арке белой колокольни увидел на сером бревне два железных хомута. Когда-то они держали колокол.

Зачем я взглянул на них? Почему не прошел спокойно? Какое

мне дело до этих поржавевших, но, впрочем, еще могучих и способных выдержать огромную тяжесть, хомутов? Что в них особенного? Ни пользы, ни красоты. Висят себе.

Так посмотрел я на них походя, попутно и побрел дальше.

Но уже заронилось семечко в душу, стало укореняться в ней, и долго мне помнились эти одиноко свисающие железные руки, как помнится тревожный, бередящий душу, но необъяснимый, и от того еще более тревожный и тягостный сон.

Капля влаги

Быть может, так и засохло бы семечко в душе моей, как и многое засыхает и забывается — таков, говорят, закон природы — но упала на него капля влаги, и случилось чудо: семечко ожило и дало росток.

Мне снова помогла книга.

«Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством.

Воля — это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек, дышать вольным воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны — как вздумается... И природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором.

Русская лирическая песня — в ней также есть тоска по простору. И поется она лучше всего вне дома, на воле, в поле.

Колокольный звон должен был быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольню новый колокол, нарочно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно»¹.

«И в самом деле, — обрадовался я. — Это сейчас все ездят

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984, с. 10—11.

куда ни попало, вдоль и поперек страны — на машинах, на поездах, на самолетах; ездят и видят, какая страна наша большая. Но раньше-то ни машин, ни поездов, ни самолетов не было. Другой крестьянин дальше своей деревни во всю жизнь нигде не бывал. А в городе — взять иного ремесленника или хотя бы звонаря с церкви в детском парке. И с ними то же самое. Однако широта-то русского характера и у них была. Отчего же она? Может, правда — от раздольного колокольного звона, от того, что колоколен всюду много было? Взойдешь, глянешь — какой простор!»

Росток

И вот в неуловимое мгновение, когда слова из книги, мои раздумья слились в одно, а к ним вдруг тихо примешалось что-то такое, чего я и назвать не умею, в это мгновение что-то послышалось и повиделось мне. Послышались чьи-то шаги и легкий паутинный скрип ступеней.

Узкая крутая лестница. Фигура в длинной темной одежде. «Да это ж звонарь с Иоанна Предтечи,— изумился я,— с церкви-то в парке. На колокольню поднимается».

Один поворот лестницы, другой. Последний подъем.

Голуби, сидевшие на перилах колокольни, на балках колоколов, почувяв приближение человека, сварливо заворчали, загуркали, забили крыльями, готовясь взлететь.

Звонарь, подобрав полу подрясника, левой рукой поднял крышку люка, откинул ее, вышел на площадку звона, захлопнул люк — голуби снялись с мест — и остался один.

Город уже проснулся, но на улицах еще никого. В домах и избах в этот ранний час топились печи, и из труб в ясный сентябрьский воздух сочились сизые полупрозрачные дымы.

И далеко вокруг города, докуда мог хватить взгляд, тянулись охваченные осенним ветром леса, в прогалинах лесов желтели поля, лилово и сине взблескивали озера и реки, и среди деревень, разбросанных здесь и там, отраднo белели церкви.

Ох, и велика же ты, матушка-Русь! И всего-то лишь с коло-

кольни глянул, а как сердцу легко и просторно. А кабы всю-то разом увидеть, пролететь над ней на голубиных крылах!

К перилам колокольни на волне воздуха подлетел голубь, распушил крылья, завис на миг, выпустил красные лапки и сел на перила, помаргивая оранжевым, как рыба икринка, глазом.

Звонарь взялся за веревку большого колокола и, уперевшись ногой в кольцо люка, стал неторопливо, мерно раскачивать язык. Все ближе и ближе тяжкая железная палица к краю колокола, сейчас дотронется, ударит... И ударила!

Колокол, казалось, вспух на месте удара. Густая, вязкая дрожь волной пошла по бронзовому телу его, и вот уже отделился и поплыл, расплываясь все шире и шире, тугой, властный звук. Звук этот тронул листья на верхушке березы, они шевельнулись ответно, а он уже шел дальше, дальше — над городом, над домами, в леса, в реки, в озера, в небо...

И тут я очнулся.

За окном моей квартиры с плотным ревом катился нескончаемый поток автомашин, и от него мой ветхий деревянный дом трясся и дрожал. А в комнате, чудилось, еще висит, длится дальний протяжный отзвук.

Погас.

Конечно, я, как всегда, все придумал. Я и звону-то колокольного отродясь не слышал. Должно быть, несмотря ни на что, память предков все еще живет во мне, вот иной раз и донесется кое-что издалека.

Память предков. Как без нее жить?

Совсем не стало мне покоя с того дня, и потому на завтра же отправился я в наш краеведческий музей. Там у нас колокольня есть, за 50 копеек на нее любого желающего пускают. Бывал я раньше на колокольне — город обзирал, а на колокола ее особого внимания не обращал. На сей раз осмотрел я колокола досконально, большой даже потрогал, хотя экспонаты трогать не допускается. Язык большого колокола держат четыре ржавые проволоки, на четыре стороны распяленные.

И пошел я с колокольни вниз. Иду, а идти долго — 305 ступенек (не мной считано, но я верю), иду, и голова моя гудит от вопросов.

Первые листочки

Не праздно росток в душе моей проклюнулся, появились на нем листочки: задумался я.

Откуда вообще колокола взялись? Зачем звонили в них? Когда они на русской земле появились? Как лили их и льют ли где-нибудь сейчас?

И куда ж, интересно, с городских колоколен все колокола подевались? Колоколен сколько стоит, а все, как есть, пустые. Это ж чепуха какая-то: колокольня без колокола. Когда колокола снимали? Зачем? Кто? Кому они помешали?

И вообще, что за диво такое — колокольный звон? Где бы его хоть краешком уха послушать? Я с детства помню песню «Вечерний звон», отец ее любил петь.

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он.

Не у кого спросить, никто мне не ответит. Значит, надо искать ответ самому. Опять идти в библиотеку, читать книги, поднимать подшивки старых газет и журналов.

Настали сроки, когда мало задавать вопрос, необходимо ответить на него, как бы он ни был нов и неожидан для тебя. Не лениться, не бояться — искать!

Я занимаюсь в библиотеке, узнаю все больше нового, росток постепенно становится деревцем, а деревце начинает ветвиться.

Веточка историческая

Кто изобрел колокола — неизвестно. Церковная традиция отдает приоритет их изобретения епископу Павлину из Нолы (IV — V вв.), хотя еще в Древнем Риме у храмов Кибелы и Прозерпины

висели колокола (I в.). Были колокола и у древних греков. Литые колоколов имеет глубокие корни в Китае и Японии. Самый же древний, сохранившийся до наших дней колокольчик — а где есть колокольчики, естественно предположить и колокола — восходит к ассирийскому царю Салманассару II (IX в. до н. э.).

Какому-то одному человеку отдать честь изобретения колоколов нельзя. Колокола, как и многие другие жизненно необходимые изобретения человечества: колесо, письменность, лук — были изобретениями коллективными.

Из Европы колокола медленно продвигались на восток. В Византии они впервые появились в IX веке, когда венецианский дож Орсо I послал византийскому императору Василию Македонянину двенадцать колоколов для церкви св. Софии.

Из Византии колокола пришли на русскую землю.

Вот краткие вехи первоначальной истории колоколов на Руси:

XI век. По летописям известно, что в Новгородском Софийском соборе, построенном в 1045—1052 годах, существовали колокола.

XII век. Из церковных вещей того времени упоминаются колокола и била, употреблявшиеся преимущественно в монастырях.

XIII век. В этот период летописи чаще, чем прежде, говорят о колоколах. Даниил Романович Галицкий для церкви Иоанна Златоуста один колокола принес из Киева, другие слил в Холме. Ростовские князья Дмитрий и Константин Борисовичи, посылая епископа Тарасия в Великий Устюг (1290 г.) послали вместе с ним колокол — Тюрник.

XIV век. В 1345 году по воле великого князя Семена Иоанновича слиты три больших и два малых колокола.

XV век. В 1403 году слит колокол в Твери для соборной церкви. В 1426 году в Пскове повешены колокола на новой колокольной Троицкой собора.

XVI век. В 1510 году великий князь Василий Иванович велел перевезти из Пскова в Москву вечевой колокол, но через восемь лет послал взамен два колокола для Троицкого собора. В 1547 году по приказу Ивана Грозного перевезен в Александровскую сло-

боду пятисотпудовый колокол из Новгородского Софийского собора, но через два года вылит для Новгорода особый колокол.

Русские придавали колоколам чрезвычайно большое значение. Возьмем, к примеру, обычай пленения колоколов. Он идет из глубокой древности и прослеживается вплоть до XVIII века.

1066 год — полоцкий князь Всеслав снял колокол с Новгородской Софии.

1176 год — князь Мстислав Андреевич в Киеве «колоколы изнесоша все».

1338 год — Иван Калита перенес колокола из Тверского Спаского собора в Москву.

1481 год — псковичи привезли великому князю восемь немецких пленных колоколов.

Во время войны Алексея Михайловича с Польшей (1654—1667 гг.) во многие города России были посланы вместе с поляками и литовцами и пленные колокола.

С побежденных брали то, что составляло национальную святыню, какой являлись колокола. Недаром летописец восклицает: «...о велика быше беда в час тыи». Обычай увозить колокола в плен заставлял местных жителей прятать их. Девочка, ловившая в июне 1897 года раков (Псковская губ.), нашла в реке колокол 1590 года отливки, который, очевидно, был спрятан в реку во время польско-литовского нашествия.

Любопытный случай произошел в начале XVIII века. После мирного договора, завершившего Северную войну, жителям Нарвы вернули кирку, обращенную в православную церковь, но по приказанию А. Д. Меншикова колокола с нее были сняты. Русские колокола не должны были звонить на иностранной церкви, не могли находиться в плену.

Веточка функциональная

Очевидна одна и единственная функция колокола — звонить, издавать звон.

Первоначальная цель звона была — созывать народ на службу в храм, хотя, видимо, на первых же порах колокола приобрели

большое значение и в гражданской (светской) жизни. Пока не появились механические часы — и долгое время после этого — колокола служили указателем времени для горожан. Они заменяли часы, бывшие в то время большой редкостью.

Без колокольного звона была немыслима жизнь средневекового города. Колокола в то время упорядочивали, направляли городскую жизнь.

В Антверпене (Бельгия) один колокол оповещал о начале и конце рабочего дня, другой сообщал об открытии и закрытии городских ворот и, соответственно, об открытии и закрытии всех питейных заведений. Был еще колокол, звон которого был знаком всем беднякам, в него звонили во время раздачи торфа.

И наконец, в колокола звонили во время эпидемий заразных болезней, потому что колокольному звону приписывалась способность прогонять болезни. Ученые еще в то время задавались вопросом: не производят ли некоторые звоны, подобные Авиньонскому или Кельнскому, то есть звону тысячи колоколов одновременно на ограниченном пространстве, какое-либо действие на больных во время эпидемий.

Новейшие исследования этого вопроса показывают, что догадки ученых небеспочвенны. Только колокольный звон оказывает воздействие не на больных, а на крыс, являющихся переносчиками эпидемических болезней. В диапазон колокольного звучания входит ультразвук, безвредный для людей, однако губительный для крыс. Крысы покидали город, что было, в частности, одной из причин прекращения эпидемий.

Так же, как и в Западной Европе, колокола на Руси служили указателем времени. Городские башенные часы появились впервые в Москве (1404 г.), в других же городах намного позднее, и все это время для большей части населения колокола исправно отбивали время. Отсюда идет выражение: «пробил час».

Набатный колокол сзывал население на борьбу с пожаром, предупреждал о грозившей городу опасности — о нашествии врагов. Осадный колокол извещал жителей о приступе неприятеля, скликал защитников города на стены, призывал их стоять насмерть.

В сельских церквях колокола служили для заплутавших путников спасительным, путеводным знаком. Особенно в непогоду, бурю, метель. Было издано предписание производить специальный, так называемый метельный звон, который в отличие от церковного благовеста и пожарного набата производился прерывисто. В 60-е годы XIX века было изобретено даже приспособление «самозвон», когда в сильный ветер колокол звонил сам, без участия звонаря.

В 1893 году св. Синодом было отдано распоряжение о звоне в туман в тех селах, которые лежат на берегах Ладожского и Онежского озер.

Обязательно было участие колоколов в такой торжественной церемонии, как коронация русских царей. Так, согласно регламента коронации Александр II «после въезда Государя в Кремль последует сто один выстрел из пушек и во всех церквях начнется колокольный звон, продолжающийся весь день».

Встречать и провожать кого-либо колокольным звоном считалось величайшей почестью.

И опять же звучали колокола во время эпидемий (моровых поветрий).

Во время морового поветрия в Казани подняли икону Смоленской Божьей Матери. Когда икона была внесена в Воскресенские ворота, то по всем церквям начался колокольный звон, который продолжался до тех пор, пока чудотворную икону носили во круг кремлевских стен.

Как уже говорилось, в древности люди представляли болезни (особенно поварные) в виде нечистой силы, злых демонов. И тогда еще зародилось поверье, что оттуда, где звонят в колокола, злые демоны волей-неволей удаляются, бегут, сами отступают.

Английский путешественник XVII века Уоллес Макензин писал, что если демоны живут в Москве и не любят колокольного звона, то в пасхальную ночь, когда звонили во все колокола, у темного царства должен происходить настоящий погром с головным бегством.

Технология производства колоколов отработана давно и остается неизменной много веков. Это одно из древнейших ремесел на земле, дошедшее до наших дней в своем первоначальном виде.

В очень сжатом и предельно упрощенном изложении технология изготовления колокола такова.

В литейной яме из кирпича выкладывается пустотелый, с плоской вершиной конус — «стержень». На стержень по шаблону наносят слоями глину — образуется внутренний контур колокола. Затем, после просушки, вновь начинают наносить глину — в толщину будущих стенок колокола, создается «ложный колокол». Когда он готов, на нем укрепляют сделанные из воска надписи и украшения. Затем вновь наносится глина, слой которой теперь прокладывают проволокой, укрепляются железными ребрами, а по верху все это охватывается железными обручами с крючьями — получается «кожух» или «рубашка».

Таким образом, мы видим три слоя специально приготовленной глины, которые, хотя и нанесены один на другой, но друг с другом не слиты. Верхний слой — «рубашку» — снимают, средний слой — «ложный колокол» — аккуратно выламывают, «рубашку» ставят на место, и в пустоту, образовавшуюся после удаления «ложного колокола», заливают металл. Дождавшись, когда колокол остынет, его поднимали из ямы и приступали к его очистке и окончательной отделке. Неровности, образовавшиеся при отливке, устраняли чеканкой.

Становление колоколотейной технологии шло по двум путям: поиску наиболее рациональной формы колокола и поиску оптимального соотношения меди и олова.

Если поиски формы довольно быстро — конечно, относительно — привели к желаемому результату, то поиски оптимального соотношения меди и олова затянулись надолго. Лишь в конце XVIII — начале XIX века окончательно утвердился канонический рецепт состава колокольной бронзы или просто металла, как называют его литейщики.

Среди многих характеристик певческого голоса есть харак-

теристика полетности. Голос должен лететь, иначе, как бы ни был он красив и силен сам по себе, певческим голосом ему быть не суждено. Такой полетностью среди металлов и сплавов обладает колокольный металл — сплав меди и олова в пропорции 78—80 процентов меди, 22—20 процента олова.

Колоколотейные мастера в Древнерусском государстве числились за Пушечным двором. Отливка колоколов считалась делом такой же государственной важности, как и производство орудия — пушек.

Первые русские колокола были невелики. В 1824 году в Киеве при раскопках Десятинной церкви был найден колокол в два пуда десять фунтов весом. Полагают, что это древнейший русский колокол.

Сначала колокола были привозные. Впервые русские мастера начали лить колокола сами только в XIII веке, в Киеве и Холме.

Во время татаро-монгольского ига это ремесло в числе многих других ремесел пришло в упадок, и колокола долгое время вновь привозили из Германии.

Литье отечественных колоколов возобновляется в XIV—XV веках. В летописях мы находим сведения об отливке колокола в Твери в 1403 году, нескольких колоколов в Ростове в 1410 году.

Уже в XVI веке русские мастера достигли большого совершенства в своей работе. В 1532—1533 годах в Москве были отлиты два больших колокола, один весом в 500 пудов, другой в 1000 пудов мастером Николаем Немчином.

В Смутное время литье колоколов почти полностью прекратилось, но уже вскоре было возобновлено. Наступила эпоха расцвета русского колоколотейного искусства. В XVII веке русские мастера окончательно вытесняют в России иноземцев из этого ремесла и уверенно берут дело литья колоколов в свои руки.

1622 год — Андрей Чохов, создатель знаменитой Царь-пушки, отлил колокол Реут, 2000 пудов.

1654 год — Успенский колокол, 8000 пудов. Язык этого колокола весил 250 пудов, его раскачивали 100 стрельцов.

На примере этого колокола можно показать приблизительные сроки создания больших колоколов. Подготовительная работа

была выполнена за десять месяцев. Сама отливка длилась один день. Три дня колокол остывал. Три дня его поднимали из ямы, затем начали чистить, чеканить, полировать.

1717 год — Иван Моторин отлил для Троице-Сергиевой лавры колокол в 4000 пудов.

И наконец, 1735 год — сооружение величайшего колокола в мире, Царь-колокола (12300 пудов вес, свыше 200 тонн, высота — 6 метров 14 сантиметров, диаметр 6 метров 60 сантиметров), являющегося шедевром не только русского, но и мирового колоколотейного искусства. Русскими мастерами была блестяще решена сложнейшая техническая задача. Необходимо помнить, что все работы проделывались вручную.

Насколько русские литейщики ушли вперед от западноевропейских, говорит тот факт, что, решив лить Царь-колокол, русское правительство по привычке пригласило иностранного мастера. Тот отказался, подумав, что над ним смеются. «Отлить колокол в двенадцать тысяч пудов,— заявил он,— невысказано».

Отливка Царь-колокола сама по себе говорит о могуществе и богатстве Российской державы, ее техническом потенциале. Могла ли какая-нибудь другая страна в то время израсходовать 12 тысяч пудов высококачественной бронзы не на пушки, не на детали машин, а на колокол? И это всего лишь через какие-то 30 лет после Нарвского разгрома.

Колокола были широко распространены в России. Не было города, в котором бы не было колокольного звона.

Веточка музыкальная

«Звук уже и отдельного колокола представляют собой нечто торжественное и возвышенное. Если же раздастся звон нескольких колоколов, между собою всегда более или менее согласованных, то происходит благозвучие еще торжественнейшее».

«Находя в нашем ухе, как в хорошо устроенном в акустическом отношении храме, скорый и живой отголосок, своими возбуждающими, вызывающими из усыпления, оживляющими звуками, они (колокола.— Р. Б.) трогают сердца».

Эти цитаты, взятые из статьи *, написанной 100 лет назад, казалось бы, противоречат друг другу. С одной стороны торжественность, умиротворенность, с другой — оживление, движение, порыв. Но в этой кажущейся противоречивости и видна универсальность колокола как музыкального инструмента, возможность вызвонить на нем и мирный благовест, и грозный набат.

Звонить в колокола было любимым занятием русских. Широко известен обычай пускать в пасхальную неделю всех желающих на колокольню, и звон в эти праздничные дни, как правило, продолжался весь день напролет.

Вот как описывает современный праздничный звон в Кремле.

«Нет тех слов и красок речи, которыми можно было бы изобразить величественный пасхальный звон в Московском Кремле. Здесь, в самом сердце, в самом «святая святых России» тысячная толпа ждет первого полночного удара в огромный колокол Ивана Великого. Надо быть в Москве, у соборов, чтобы самому испытать величие этого ожидания. Тысячную толпу не слышать — она совершенно смолкла. Молчит и вся Москва. Но вот раздается первый удар, необычайно мягкий, негромкий на Ивановской колокольне. Он дает сигнал всей Москве. Через пять-шесть секунд ударили все «сорок сороков» и загорелись иллюминации всех соборов. Загораются свечи и тысячной толпы у Кремлевских соборов. Гудит мягкий басовый звук, вдруг сменяющийся торжественным звоном. Звонят «во вся тяжкая, во вся кампаны», звонят с необычайной силой звука. В этой силе исчезает все: и начавшаяся пушечная пальба, и пение хоров в появившихся крестных ходах... Только и слышен один звон, видны разом море свечей и как бы огненные змеи, движущиеся между свечами многотысячной толпы. И над всей этой картиной — звон, да ведь какой! Звон оглушительный, властный — сущее торжество!.. Малый голосистый «Ясак» у алтаря Успенского собора прозвонил «конец», и Иван Великий сразу умолк. Тянущийся звук больших колоколов сразу наполняет соборную площадку несравненными аккордами, с мощными переливающимися модуляциями в целых

* Церковный колокольный звон. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1885, № 24, с. 493.

роях призывков и отзвуков. Слышать этот мощный, таинственный гимн можно только в Москве, в тихую, пасхальную ночь...» *

Любовь к колокольному звону проявлялась, как говорится, на разных уровнях, от простолюдина до царя. Иван Грозный каждый день в четвертом часу утра ходил благовестить на колокольню. Любили колокольный звон, случалось, и сами званывали царь Алексей Михайлович и царь Федор.

А. В. Суворов, отправляясь в поход в Швейцарию, сам звонил в колокола в селе Кончанское, где в наше время располагается музей-диорама «Альпийский поход А. В. Суворова».

Существовал особый устав звонам, в котором указывалось, в какие колокола звонить в будни, в какие в праздники. Этим же уставом различались главным образом два звона: б л а г о - в е с т, то есть звон в один колокол, переходящий в п е р е з в о н, когда ударяют в несколько колоколов, но не разом, а поочередно; и собственно з в о н, когда ударяют сразу в несколько колоколов. Звон в несколько колоколов в три приема называется т р е з в о н о м.

Славились своим звоном звонницы Московского Кремля, Исаакиевского собора в Петербурге, Троице-Сергиевой лавры, Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, Введенского собора в Чебоксарах — звон этого собора был слышен за 25 верст по течению Волги — и уж, конечно, знаменитые Ростовские звоны.

Колокольный звон встречал возвращающуюся с победой на родную землю дружину Александра Невского, полки Дмитрия Донского с Куликова поля, войско Ивана Грозного после взятия Казани, ополчение Минина и Пожарского, гренадеров А. В. Суворова, победоносные русские войска, вернувшиеся из Парижа, воинов, освобождавших братьев-болгар от османского ига. Колокол громкого боя звал матросов отважного «Варяга» занять места по боевому расписанию.

Вся жизнь русского человека проходила под колокольный звон. Под него он рождался, рос, с ним работал, веселился, растил детей, под колокольный звон успокаивался на погосте.

* Смоленский С. Праздничный звон в Кремле. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1907, № 7, с. 132.

Любовь к колоколам, к колокольному звону, вера в чудодейственную силу этого звона выразилась в том, что в церквях и монастырях наблюдалось обилие обетных колоколов. Создавали колокола на свои средства и жертвовали их в монастыри и церкви не только цари и бояре, дьяки и купцы, но и простые люди. В Симоновском монастыре был колокол в 60 пудов, сиротский. На колокольные церкви Похвалы Богородице в Москве висел колокол, отлитый на собранные мирские гроши, весом в 3 пуда 6 фунтов.

В старые времена, когда гусли уже вышли из употребления, колокола удовлетворяли потребность людей в музыке, и можно смело сказать, что в XIX — начале XX века колокола наряду с гармоникой и балалайкой были истинно народным инструментом.

Наши великие русские композиторы, учившиеся у народа — М. И. Глинка так и сказал: народ создает музыку, а мы ее только аранжируем, — тонко чувствовали это. Поэтому в русской классической опере так часто звучит колокольный звон. Вот небольшой список: «Иван Сусанин» М. И. Глинки, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Псковитянка» Н. А. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А. П. Бородина, увертюра «1812 год» П. И. Чайковского.

Веточка искусствоведческая

Над созданием колокола трудились не только литейные мастера, а также резчики, лепщики. Необъяснимое чувство охватывает тебя, когда следишь замороженным взглядом и не можешь уследить, теряешься в переплетении растительных, листовых узоров, этих прихотливых тончайших линий, покрывающих тело гиганта подчас в два человеческих роста. Какое же умение, мастерство необходимо, чтобы сделать все это.

Литейное искусство, музыкальное, резное, лепное, при изготовлении форм для надписей и украшений — чеканка, металловедение, акустика, история, этнография, филология — вот краткий перечень отраслей человеческой деятельности, которые дава-

ли жизнь колоколам, а колокола, в свою очередь, животворили их.

Сколько легенд, сказаний было сложено о колоколах! Нравственно-поучительных и трагических, основанных на исторических фактах, и фантастических.

Поэтична легенда о граде Китеже, который во время нашествия Батыя скрылся под землю вместе с жителями. Татарская конница увидела на месте дивного города тихо плещущееся светлое озеро. И только избранные, люди чистой души и чистых помышлений, могли слышать колокольный звон в храмах исчезнувшего города.

Существует также предание, что звон колоколов Троице-Сергиевского монастыря дважды заставлял поляков прекращать осаду монастыря в Смутное время.

О том, что в старину к колоколам относились как к живым существам, говорят следующие исторические эпизоды: Иван Грозный приказал отрубить уши у псковского колокола, который своим звоном испугал его коня — конь упал на колени, когда царь въехал на мост; царем Федором в Николаевский Карельский монастырь был сослан колокол за то, что встревожил его во время послеобеденного сна.

Сколько пословиц и поговорок, загадок сложил русский народ о колоколах и колокольном звоне. «Пришло счастье, хоть в колокола звони!», «Звони, да не зазванивайся», «В Москве звонили, а на Вологде звон слышали», «Тень-потетень, заплету плетень в 77 рядов, выше сел и городов» и т. д. и т. д.

А как отзывались колокола в нашей русской литературе! Звон колокольный слышен в ней от стародавних времен вплоть до наших дней.

Вот всего лишь шесть стихотворений из большой антологии, собранной мною.

И. И. Козлов

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он

О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

А. К. Толстой

* * *

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки.
Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

О. Н. Чюмина

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Тревожны вешние закаты!
Горит румянцем талый снег;
Горят сердца у нас, объаты,
Воспоминаям вешних нег.

Из дивных градов затонувших
Несется звон колоколов,
Так отголоском дней минувших
Звучит напев знакомых слов.

Они волнуют, вызывают
Из душных комнат на крыльцо
И легким ветром обвевают.
Разгоряченное лицо.

В них слышится напомниманье
О светлых мыслях и делах,

Как в поэтическом сказанье
О слышанных в ночном молчанье
На дне морском колоколах.

И. А. Бунин

НА МОНАСТЫРСКОМ КЛАДБИЦЕ

Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц,
И голубей напуганная стая
Вдруг поднялась с карнизов и бойниц
И закружилась, крыльями блистая,
Над мшистою стеной монастыря...

О ранний благовест и майская заря!
Как этот звон, могучий и тяжелый,
Сливается с открытой и веселой
Равниной зеленеющих полей!
Ударил колокол — и стала ночь светлей,
И позабыты старые гробницы,
И кельи тесные и страхи темноты,—
Душа, затрепетав, как крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

А. И. Недогонов

ХРАМ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

(Отрывок)

Над шипкинскими облаками,
где воздух, словно лед
лилов,
звонарь играет языками
шестнадцати колоколов.

Неуловимые рыдания
над сводом старых изразцов —
глухие отзвуки преданья,
плач над могилой мертвецов.

Нет, не рыдания, а воскресший
бессмертный реквием солдат,
чьи имена,
как грани флешей,
на белом мраморе лежат.

И мне казалось, мне казалось,
что звуков медная волна
глубин моей души касалась —
ее невидимого дна.

Она,
что горный гул обвала,
над пылью трав,
над сном орла,
то плакала,
то ликовала,
то замирала,
то росла...

Стоял великий храм,
в багрянец
сентябрьских зорь, и звезд зажат.
— Сними пилотку, сталинградец,
здесь наши прадеды лежат...

1944, Шипка — София

Н. М. Рубцов

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе — о русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренность и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславы...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...
Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.
Но как — взгляните — чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о русская земля! —
И на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

Такое вот колокольное деревце у меня выросло. Смотрю я на него и диву даюсь: еще недавно ничего не было, ничегошеньки-то я не знал, а сейчас стоит деревце, веточками шелестит...

Но, к сожалению, деревце оказалось не без изъяна.

Сухие веточки

Кто знает, по недосмотру ли, или по чьему-то злому умыслу нападает на здоровое дерево болезнь, забирается под кору, отравляет соки, и появляются на дереве сухие ветви.

Колокола гибли во время пожаров — летописец пишет: «И колокола в огонь попали, и медь от огня ползуща, яко смола», — лопались от неосторожного обращения, а треснувший колокол — уже погибший, хоть и запаяешь трещину, звона того все равно не будет, колокол надо переливать.

Но все это были единичные случаи. Первое же в истории массовое, целенаправленное уничтожение колоколов произошло во время Великой французской революции (1789—1794 гг.).

Во Франции в те годы были уничтожены почти все колокола. Часть их была перелита в монеты, часть в пушки.

Некоторые колокола все же удалось сохранить, но тем не менее они должны были оставаться безмолвными под угрозой жестоких наказаний, как для колокола, так и для того, кто позвонит. Колокол шел в переплавку, а для ослушников наказание в революцию обыкновенно было одно — гильотина.

За Францией последовала Италия. Очень много древних колоколов погибло в Итальянский поход Наполеона. Французская армия снимала в верхней Италии колокола с церквей и отправляла их во Францию.

Наполеоновские солдаты попытались итальянский опыт перенести на русскую землю. Здесь они не ограничились одними колоколами, а посягнули сразу на нашу святыню — Московский Кремль. К счастью, разрушения от взрыва были не очень велики, но все же достаточны для того, чтобы самый большой в Кремле Успенский колокол (3351 пуд) упал и разбился совершенно.

...Суббота 9 февраля 1930 года выдалась в Вологде угрюмой, неласковой. Ночью мело, пуржило. Ветер с жалобным воем мял и носил над домами, над караваном судов на замерзшей реке, над колокольнями, над тополями в парке косматые облака снега, и до утра хлопал незапертой ставней мучного склада.

К утру ветер перестал бесноваться, утих и на миг даже проглянуло солнце, впрочем, тут же убравшееся за тучи.

К одиннадцати часам дня у Софийского собора собралось много народа. Члены Союза Воинствующих Безбожников с флагами и лозунгами, рабочие, несколько мужиков из окрестных деревень, приехавших в город с сеном, проходившие случайно по Соборной горке две старушки, лохматый бездомный пес и, конечно же, вездесущая ребятня.

Только все собрались, как опять начало мести и поэтому митинг, посвященный первому городскому субботнику по снятию колоколов, был краток. Всем дали задания и распределили по местам.

Сперва намечали снять при всех колокола с колокольни собора, что явилось бы своего рода заповкой всего субботника. Но вместо заповки получился конфуз: директор музея предъявил документ с печатью «Главнауки», в котором доводилось до сведения, что колокола на соборной колокольне представляют историческую ценность и снимать их ни в коем случае нельзя. Де-

дать нечего, пришлось отступить от колокольной и направиться к другим местам...

В газете «Красный Север» за 11 февраля 1930 года сообщалось, что за один день колокола были сняты с двенадцати колоколен.

И это происходило по всей стране.

Зачем же снимали колокола?

Оказывается, колокола потребовались для индустриализации. «Советская металлопромышленность испытывает медный голод, почти такой же острый, как некогда голод, обрушившийся на Поволжье... В пылу лихорадочной экономии хозяйственники дрожат над каждым граммом цветного металла и мучительно ломают головы:

— Можно ли сократить потребление меди?

Тревожно гудят заводские сирены:

— Голод! Медный голод!..

По приблизительной статистике, в Союзе насчитывается около 50 тысяч действующих церквей. Общий вес колокольной бронзы на них достигает 150 тысяч тонн. Изъятие колоколов может обеспечить нашей промышленности медное сырье на три-четыре года» (Огонек, 1929, № 17).

Три-четыре года, ни больше ни меньше, и вся многовековая история колоколотейного искусства и колокольного звона. Что перетянет?

Не в одной меди было дело. Не переплавили же Царь-колокол (12 000 пудов), Царь-пушку (2400 пудов), Медного всадника (1351 пуд), памятник Минину и Пожарскому (1200 пудов), памятник Тысячелетию России (4000 пудов), кстати, по форме напоминающий колокол, и т. д.

Свежие побег

В последнее время о колоколах много говорят, пишут. В журналах, газетах появляются статьи, заметки. В Москве, в октябре 1982 года прошла научная конференция, посвященная колоко-

лам. И отрадно не только это. Важно, что уже начинают звучать кое-где и сами колокола.

В селе Мильково Камчатской области открыт этнографический музей — у входа в музей висит 250-пудовый колокол, отлитый в 1736 году, и его звон ежедневно возвещает об открытии музея.

Все больше и больше людей узнает о заповеднике деревянного зодчества в селе Малые Корелы под Архангельском, на звоннице которого висят 23 колокола.

Так от Камчатки до Архангельска, через всю Россию переключаются эти провозвестники возрождения колокольного звона.

И в то же время колокола Софийского собора в Новгороде стоят на земле, языки колоколов Вологодского Софийского собора на привязи...

Здесь, правда, возникает вопрос: а по какому поводу звонить? Не станешь же просто так трезвонить.

Но разве мало славных дат в нашей русской истории, которые можно — и должно — почтить колокольным звоном!

Взять 21 сентября. Годовщину Куликовской битвы. Дмитрий Иванович Донской завещал потомкам — то есть нам с вами — каждый год этот день вспоминать, а мы, похоже, справили 600-летний юбилей битвы, пошумели вокруг него и успокоились. Тишина до следующего летия? Долгонько же придется ждать!

А ну бы грянули на зорьке 21 сентября колокола! Глядишь, сердце бы лишний раз преисполнилось гордостью за родной край, за славную историю его. Прислушались бы к звону дети, призадумались бы старики, и, кто знает, может, и у того, кто накануне «балдел» под истошные вопли какого-нибудь новоявленного зарубежного идола рок-музыки, может быть, и у него что-нибудь шевельнулось бы в назлектронном сердце?

А годовщина Полтавской баталии — 8 июля!

А Бородинское сражение — 7 октября!

А всенародный праздник — 9 Мая, День Победы! Пусть бы колокольный звон звучал реквиемом павшим героям, и славой современным чудо-богатырям, отстоявшим в бою Отчизну.

Или вспомним опять Малые Корелы. Туда молодожены из Архангельска приезжают. Это ли не замечательно! Не набив-

ший оскомину марш Мендельсона, а звонкие чистые звуки колоколов напутствуют счастливых молодых.

Пусть же снова звучит колокольный звон!

Письмо второе

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Вот вы говорите, что мы, молодежь, не видим русской национальной культуры. Но нельзя считать культурой замшелые черные домишки. Это, по-вашему, русская культура, да? А, по-моему, нет. Пусть останется лишь то, что дорого всем, а то, от чего глаз воротит, не культура, а грязь в городе.

Вы нас обвиняете в непонимании красивого, то есть культуры. А вот вы сами, взрослые, поняли нашу культуру?

Я не хочу, чтоб вы подумали, что я курю или пью. Нет, я учусь хорошо, одеваюсь, конечно, в джинсы, давно и серьезно увлекаюсь музыкой, а в «Спектр» я хожу просто отвлечься, а главное — я люблю смотреть на лица тех, с кем мне придется встретиться в жизни, ведь там все мои ровесники. И, знаете, я поняла, что большинству безразлично, что танцевать и подо что. И мне хочется, чтобы что-то изменилось, чтобы после школы, института, работы можно было отдохнуть в кафе, где музыка вбирает твою усталость. Поверьте, есть такая музыка.

А что нам может дать е д и н с т в е н н ы й Дворец культуры? В дымном перегаре, может, и есть все цвета радуги, а может, их видят подвыпившие юноши и девушки, но я так, например, в «Спектре» ничего подобного не вижу, кроме того, как ругаются и курят шестнадцати-семнадцатилетние девчонки. Я просто стыжусь их. Им кажется, что если в зубах сигарета и на джинсах ярлык USA, то все можно. Мне их жалко.

Вы скажете, какая умная девочка, наблюдает, не курит, не пьет, учится хорошо, так зачем же кафе и бары, дворцы культуры и танцы? Да затем, чтоб город был красив, чтоб мы могли отдохнуть. И понятие красоты у нас свое, но оно не с неба. Могу объяснить. Ведь в Москве «деревяшек» нет — а это столица. Где же в ней тогда ваша культура? Нет ее: нет палисада и де-

ревянного домика с колодцем. Там «марку держат»: не уступаем Штатам по высоте небоскребов. И правильно! Да, я за стандарт! Но не за чужой, а за наш. Почему одни ездят в метро, слышат выступления прекрасных групп и артистов, а другие, прилипнув к магнитофону, довольствуются шипящей записью. А я хочу все это видеть, хочу ходить по чистым улицам, мимо высоких красивых домов, хочу, чтобы парни на танцах были вежливы и не смотрели на всех девчонок, как на гулящих девок или ловителей женихов, хочу, чтоб у людей был вкус, свой, собственный, который помимо моды руководствовался бы еще и разумом. Все эти «хочу» — и есть мой город-идеал.

Вопрос о моде. Так вот что я вам скажу: раньше русские женщины ходили в сарафанах с кокошниками на голове и косой до пояса. И дома были «кружевными», церкви строили, как сарафаны — куполом. Сейчас дело другое: дома — прямоугольнички, джинсы, юбки, платья — все строго, деловито и красиво. А теперь представьте такую картину. Посреди современной молодежи в «Спектре» появилась бы девушка в кокошнике, в сарафане и с косой. Лично я бы не то что посмеялась, но «взглядом бы проводила». И вот другая картина: пятиэтажки, девятиэтажки и вдруг рядом старенькие, втопанные в землю домишки. Мне их также жалко, как и ту девушку.

Еще насчет песен. Зря вы думаете, что мы не поем в компании песен. Только вместо гармошки у нас гитара. А вместо песен вашей молодости — ведь вы же не дедовские песни тоже пели — мы поем песни нашей молодости, поем песни А. Макаревича.

Не надо думать, не надо нам внушать, что за границей культура плоха. Ведь вы смотрите сами: «Битлз» — отцы рок-музыки из Англии, Виктор Хара — тоже не из русских, а Карлос Сантана (гитара), и сколько еще можно назвать имен. Вы не забывайте, что, кроме идеологии, за границей есть и люди, которые живут, борются, а раз так, то и у них есть своя настоящая культура. Не надо принижать их культуру, в частности, западную.

Думаю, что ничего обидного я ни в чей адрес не сказала.

Пока все!

Ира».

Это письмо Иры пришло в редакцию на другой день после того, как я читал в редакции отклики. Ответил я ей быстро, не как на первое письмо — так бывает и в разговоре, трудней начать его, чем продолжить.

Ответ на второе письмо

«Здравствуй, Ира! Когда вышла газета с твоим письмом, друзья и знакомые спрашивали меня: существует ли такое письмо в действительности? А следовательно, и ты сама?

Поэтому я рад, что ты написала вновь. Пусть никто не думает, что письмо твое высосано в редакции из пальца.

Я несколько раз перечитал его, улыбнулся там, где ты пишешь, что ходишь в «Спектр» наблюдать. Конечно, не только за этим, чего уж тут, и ты прыгаешь вместе со всеми. В этом месте письма тебе захотелось показаться нам — и себе — старше, чем ты есть.

Большое письмо, интересное; разные чувства и мысли пробудило оно во мне. Думалось мне о том, что метро в Вологде все равно никогда не построят, придется как-то без него жить, что в Москве тоже не все попадают на выступления прекрасных групп и кто-то довольствуется тоже магнитофонными записями. Думалось о том, что трудно требовать уважения и вежливости разболтанной, прокуренной девушке от такого же парня; что чистота улиц в наших руках, в руках той же молодежи, что вообще-то можно и в джинсах ходить, какая разница, только не надо делать из них жизненную проблему; не нужно жалеть ту девушку в сарафане и с косой; что ты знаешь о ее жизни, чтоб жалеть ее, и, если б та девушка оказалась в современной дискотеке, еще неизвестно, кто был бы достоин жалости. Думалось мне о том, что при стандарте не может быть собственного вкуса, на то он и стандарт, чтоб собственного вкуса не было. Но до чего же скучно жить, когда стандарт во всем: в окружающей обстановке, в одежде, в поведении, в образе мыслей. Думалось мне и о том, что какая ты все-таки, Ира, молодец — споришь, ищешь, ведь сколько семнадцатилетних уже погасли, привыкли,

и не только не думают, не спорят, а не хотят этого делать, даже когда их просят об этом.

Но все это были попутные мысли. Что же в письме главное, какая его основная, сокровенная идея? — думал я, вновь и вновь перечитывая письмо. И вдруг одна фраза поразила меня. Почему-то раньше я ее не замечал.

«А вы сами, взрослые, поняли нашу культуру?»

Нашу культуру! Я ахнул. Оказывается, есть ваша — молодежная и наша — взрослая, вся остальная — русская культура. А мы-то все: ты, я — мы-то все чьи? До сих пор мне думалось, что все мы — русские люди, русский народ, а тут получается, нет: молодежь — одно, а люди постарше — другое.

Да, ахнул я, а потом поразмыслил спокойно.

И к чему же я пришел?

Если смотреть широко, то поскольку мы живем в одной стране, в одном государстве, то и культура у нас одна. Но если взглянуть не вообще, а более пристально, в плане бытовом, то становится видно, что существует некая «культура», ориентирующаяся в основном на молодежь, которая стремится стать в стороне от общей культуры.

Так что напрасно ты, Ира, говоришь, что мы, взрослые, не поняли вашу простую и стройную культуру. Насчет стройности — не знаю, а что действительно простая она, этого никто у нее не отнимает. Проще придумать труднее. А ведь придумана и действует и кое-кому — быть может, очень многим — является заменой настоящей, подлинной культуры.

Скажи, Ира, что доброго, душевного дает эта культура человеку? Какая у нее нравственная основа? Это культура развлечения, провождения времени. Как жевательная резинка дает обманчивое ощущение сытости, но не насыщает, так и эта культура дает обманчивое впечатление, что время проведено не зря.

А вот наша культура. Взгляни на нее. Она постарше вашей. Это культура расшитых жемчугом и парчой кокошников, расписных и резных прялок, это культура Московского Кремля и Вологодского Софийского собора, это культура летописных сказаний и бессмертных русских сказок, это культура ростовских ко-

докольных звонов и народных песен, это культура наших музеев, картинных галерей и библиотек. Это культура памяти, культура духа, культура мысли и чувств.

Ты много ли приложила труда, чтобы понять эту культуру? А тут без труда не обойтись. Нашу культуру не одолеешь наскоком за две-три недели, для этого нужны годы, но ведь она для жизни, а не только для развлечений.

Пусть молодежь развлекается и отдыхает. Кто против. Но как она развлекается, какие мысли ей внушают во время развлечений — вот что важно. Почему молодежь знает и Джона Леннона, и Виктора Хару, и Карлоса Сантану, и кто такие «Битлз», но не знает ни рязанской княгини Евпраксии, ни Пересвета с Ослябей, ни генерала Раевского с сыновьями? Почему русская история привлекает меньше детектива и фантастического романа? Почему? Кто виноват? Кто отвратил молодежь от русской истории, кто внушил ей понятие о русской культуре, как о культуре одних сарафанов и кокошников? И не странно ли, что искренняя, умная девушка со всем пылом молодости призывает не принижать западную культуру, а сама с чужого голоса принижает культуру отечественную?

Почти в самом конце письма (я выпустил эти слова) ты пишешь: «...ничего не зависит от того, где мы, а зависит от того, кто мы и какие мы. К этому выводу я пришла давно».

Что ж, вывод правильный, и, кстати, мысль эта встречается во многих откликах. Мне же думается, что ее не мешало бы дополнить словами: для кого мы. Сами для себя, для собственного удовольствия, или для других людей, для своего Отечества.

Я понимаю: Отечество, Родина — высокие слова, но иногда необходимо сказать их. Но, сказав, важно почувствовать, увидеть, что за ними стоит, лишь тогда они не будут пустым звуком, не пролетят мимо ушей. А ведь для этого нужно знать историю своей земли, ее подлинную культуру!

Так продолжился наш диалог с Ирой.

Табличка же на постаменте зенитки вновь находится на своем месте. И нужно ли говорить, что она будет здесь всегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Заочный диалог в письмах	3
Письмо первое	4
Строчка из словаря	11
Заочный диалог (Продолжение. Отклики)	25
Древо колокольное	34
Письмо второе	59
